

ТЕКСТЫ ЛЕГЕНД О МАРТЕ И МАРТОВСКОЙ СТАРУХЕ

1.1. Румыния 1.1.1. Марамуреш Odochia

Baba Odochie o avut on ficior și l-o însurat. Ș'apăi nora n'o putut trăi cu ie altfel. I-o dat lînă năgră s'o spele pînă a h'i albă. La Tisa uo mînat la apa. O viñit oarece inger și uo făcut albă. Apăi i-o dat lînă albă, s'o spele pînă a h'i năgră. Lîna nu s'o putut fa(ce) năgră. I-o dat ingeru on bot de flori albe, adusă di la dial: breabîn. Nora l-o dat babii. Baba o zîs:

— Ii! i[a]n coată că o adus flori di la dial, acuma-i vrēmea a mēre la munte cu oile!

A luat baba Odochia nouă cojoace pe sîne. O fost frig și cald, ș'o țipat unu, și tât așa în nouă zile, pînă li-o țipat pe tâte. În a noua zi o dat Dumnezău on gier ș-o n'gietat și Odochia și oile cu ficior cu tât ș'o rămas nora ce hulită. Aceia o fost oarunde în Maramureș, la munți aceia.

Zilile Odochii is în Martie.

(с. Батарчь, местность Угоча, Марамуреш, Румыния,
информант Мэрие Рус [Scurtu 1942: 123–301])

Одокия

У бабы Одокии был сын, и она его женила. И невестка не могла жить с ней по-человечески. Она (баба Одокия) дала ей (невестке) черную шерсть, чтобы та ее мыла, пока она не станет белой. На Тису ее послала, к воде. Пришел некий ангел и сделал ее (шерсть) белой. Потом (баба Одокия) дала ей белую шерсть, чтобы она мыла ее, пока шерсть не почернеет. Шерсть не удалось сделать черной. Дал ей ангел пучок белых цветов, принесенных с холма, — режухи (жерухи). Невестка отдала его старухе. Старуха сказала:

— Ой! Смотри-ка, она принесла цветы с холма, теперь пора идти в горы с овцами!

Надела баба Одокия на себя девять кожухов. Было то холодно, то тепло, и она сбросила один, и так за девять дней сбросила их все. На девятый день дал Господь мороз и заморозил и Докию, и овец, и ее сына, и осталась одна невестка, которую вечно ругали. Это было где-то в Марамуреше, в тех горах.

Дни Одокии в марте¹.

---

¹ Здесь и далее, если переводчик не указан, перевод выполнен мной. — Н. Г.

* * *

Odochia a fost o babă bună de lucru și harnică de n-avea părechie, dar era încrezută rău și rânzoasă. Ce-și punea ea în cap, trebuia să se întâmple.

Așa a plecat ea *în ziua întâi de primăvară* cu oile la munte, să le pască, macar că vremea nu era încă de primăvară. Se îmbracă baba cu douăsprezece cojoace, își leagă năframă înapoi ca fetele, își ia furca în brâu, să suie pe cal și pleacă la munte.

Dumnezeu, văz-ndu-i încăpățânarea, când a ajuns baba la munte, a împietrit-o. Din piatra această izvorăște râul Iza.

(с. Сэчел-Марамуреш, Марамуреш, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Одокия была старухой работающей и трудолюбивой, второй такой не было на свете, но была она очень самоуверенной и злой. Если она что вбила себе в голову, значит, так тому и быть.

Так отправилась она *в первый день весны* с овцами в горы, чтобы их пасти, хотя погода еще не была весенней. Надела старуха двенадцать кожухов, повязала косынку по-девичьи, назад, заткнула прялку за пояс, села на коня и отправилась в горы.

Бог, видя ее упрямство, когда поднялась старуха на гору, превратил ее в камень. Из этого камня берет начало река Иза.

1.1.2. Трансильвания (Ардял)

În întâia Mărțișor, într-o zi de marți, când o fi fost, o plecat Baba Dochie cu caprele la munte și o îmbrăcat șapte cojoace, că era frig. Mergând pe drum s-o încălzit de-a binele baba și pe cum mergea lăpăda câte-un cojoc. Când o ajuns la muntele Rășinariului, o-nceput să se răcească vremea mai tare, dar baba, coalea curăjoasă, hi la drum! pe munte la deal după capre, să nu le piardă. De la o vreme simțea baba tot mai tare frigul și trămurăturile încep a se spori. Baba începe acum a mai da cu mână pe la străiță din când în când, și trămurăturile se mai rădesc. Straița însă nu era sacu popii, să nu-i mai dai de fund, frigul creștea și baba slăbea tot mai tare.

Ce să facă acum baba? Se gândea că tot o fi mai bine să facă calea-ntoarsă și hai la drum înapoi, căutând cojoacele, care acum prindeau bine. Dar ie-le, dacă le mai găsești.

Baba ajunge flămândă și necăjită în Rășinar, aici dă pe un făgădău să-și mai potolească foamea și setea și să mai să mai uite din hăl năcaz. Aici începe a gusta și un pic de vinars — avea bătrâna năravul ștă încă de-acasă — de la o vreme s-o încălzit și s-o căușit de cap.

Iese acum baba sătulă din făgudău ș-o uitat de ce-o fost, și unde nu începe baba să mulțămiască lui Dumnezeu pe toate strunele, *suduind* de-ți era urât s-o ascuți, că Dumnezeu nu i-o păzit cojoacele și caprele.

Merge acuma baba *cătrănită foc*, să-și caute cojoacele și caprele, dacă Dumnezeu n-o vrut să-i le grijască și pe drum tot suduia și blăstăma. Dumnezeu o aude ce frumos șiți mulțămi baba și o face un *stâlp de piatră*. Și azi se poate vedea baba împietrită, ieșind din mijlocul pietrii o apă rece, ce curge prin mijlocul Rășinariului.

(с. Хэрэнглаб, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Как-то раз первого марта, во вторник, ушла Баба Докие со своими кожами в горы и надела семь кожухов, потому что было холодно. Идя по дороге, старуха согрелась и, пока шла, сбрасывала кожухи по одному. Когда она пронялась на гору Рэшинарь, погода начала становиться все более холодной, но старуха ...храбрая, вперед и вперед! С горы на холм за кожами, чтобы не потерять их. Со временем старуха все больше чувствовала холод и дрожала все сильнее. Теперь старуха начала время от времени запускать руку в котомку, и дрожь отступала. Котомка, однако, не была поповским мешком, у которого не найдешь dna, мороз крепчал, и старуха все больше слабела.

Что же было делать старухе? Подумала она, что лучше вернуться, и пустилась в обратный путь, разыскивая кожухи, которые сейчас очень бы пригодились. Да поди найди их теперь.

Старуха, голодная и огорченная, добралась до Рэшинара, [и] здесь нашла корчму, чтобы утолить голод и жажду и забыть о своей беде. Здесь она принялась пробовать и водку — был у старухи еще дома этот обычай — и через некоторое время согрелась, а в голове у нее все перемешалось.

Вышла старуха сытая и пьяная из корчмы и, забывшись, и начала «благодарить» Бога на все лады, бранясь так, что было тошно ее слушать, за то, что Бог не сберег ее кожухи и коз.

Пошла старуха, вне себя от ярости, разыскивать свои кожухи и коз, если господь не захотел о них позаботиться, и по дороге все так же бранилась и сыпала проклятьями. Господь услышал, как красиво умеет старуха «благодарить» [его], и превратил ее в каменный столб. И сегодня можно увидеть окаменевшую старуху, из камня течет холодная вода, которая протекает по Рэшинарь.

* * *

A fost odată o bătrână, bătrână cu numele Dochia, și era rea de mama focului. Pe biată noru-sa o purta ca-n ciur.

Ce-i trăznește babii o dată în minte, că ea ar mânca fragi.

— Să te duci în pădure și să-mi aduci fragi coapte, că de nu, te omor! — zice baba către noru-sa într-o zi pe la sfârșitul lui Făurar.

Ce putea să facă biata nevestă, că-naintea soacră-sa nu îndrăznea să zică nici cârc. Pleacă la pădure tot plângând șiroaie de lacrimi, că vedea ea bine ce se

poate și ce nu se poate. Mergând așa cu gândul tot la Dumnezeu, ajunge la pădure, aici cade în genunchi și începe a se ruga lui Dumnezeu ca să-i ajute, să găsească fragi. Când își ridică capu, ce să vezi: minunea minunilor! O zi frumoasă ca-n luna lui Cireșar, iarba verde, pădurea toată ca iedera, păsările cântau de-ți era mai mare dragu, pădurea și livezile pline de oi și capre, — și fragi câte vrei! Dumnezeu adică văzuse că nora babei îi cu credință și că baba, numai de blăstămată ce-i, a trimis pe noru-sa la fragi în luna lui Făurar.

Strânge cât strânge nora la fragi și le duce babei. Acasă spune tot ce a văzut, că iarba-i mare, și oile și caprele numai bolborosesc în ea.

Baba, lacomă cum era, nici nu nici nu așteaptă să sfârșească noru-sa cu vorba, își ia pe ea nouă cojoace, ia turmă de oi și de capre înainte și ține ată cătră pădure. Și pe dumeață ce era își mâna turma: „Ța, ța, ța oile și caprele mele, că ori vrea Dumnezeu, ori nu, eu tot mi-oi face din voi brânză și caș”.

Când a ajuns în pădure a început a bate lin Austru și a se-ncălzi vremea. Baba încrezându-se, și-a dat jos toate cojoacele. În ziua următoare unde nu a-nceput un vifor groaznic, și a dat Dumnezeu un ger, de crăpau lemne, iar Moș Gerilă râdea în pumni de Babă cum își „sufă-n dește”. Dar n-a suflat mult, că pe încetul a înghețat cu turma înztreagă în jurul său, iar Dumnezeu le-a făcut în stan de piatră. În munții de la vaida Recea se află un vârful zghebos, care poartă numele de *Baba*. Stâncă aceasta e Baba Dochie, iar pietrele din jur sunt oile și caprele babei.

(с. Мэрджинень, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Жила-была одна старуха, старуха по имени Докия, и была она крайне злая. Над своей бедной невесткой она всячески издевалась [букв. «Свою бедную невестку она таскала как сквозь сито»].

Взбрело однажды старухе на ум поесть земляники.

— Иди в лес и принеси мне спелой земляники, а если не принесешь, я тебя убью! — сказала баба своей невестке однажды в конце февраля.

Что могла сделать бедная молодлица, ведь перед свекровью она не могла произнести не звука. Отправилась она в лес, проливая ручьи слез, потому что хорошо понимала, что возможно, а что нет. Шла она, шла, обратясь мыслями к Богу, и добралась до леса, и там упала на колени и начала молиться Богу, чтобы он помог ей найти землянику. Когда она подняла голову, что ты думаешь: чудо из чудес! Прекрасный день, как в июне месяце (*luna lui Cireșar*), зеленая трава, лес весь [зеленый], как плющ, птицы поют так, что любо-дорого, лес и луга полны овец и коз, и земляники сколько хочешь! Господь, стало быть, увидел, что невестка старухи ему предана и что проклятая старуха послала свою невестку за земляницей в феврале месяце [*luna lui Făurar*].

Собрала невестка сколько-то земляники и понесла ее старухе. Дома она рассказала обо всем, что видела, что трава [уже] высокая и овцы и козы блеют в ней.

Старуха, поскольку она была жадной, даже не подождала, пока невестка закончит свой рассказ, надела девять кожухов и погнала перед собой овец и коз, держа путь к лесу. И по пути она подгоняла свое стадо: «Ца, ца, ца, мои овцы и козы, хочет ли господь или нет, я все равно получу от вас брынзу и сыр».

Когда она добралась до леса, начал дуть мягкий юго-западный ветер и погода стала теплой. Старуха, став самоуверенной, сбросила все кожухи. На следующий день откуда ни возьмись началась страшная вьюга и послал Бог такой мороз, что трещали деревья, а Дед Мороз посмеивался в кулак над тем, как старуха «дышит себе на пальцы». Но недолго она дышала, потому что потихоньку замерзла со всем стадом вокруг нее, а господь превратил ее в каменную глыбу. В горах Вайда Рече имеется горбатая вешина, которая носит название *Баба*. Эта скала — Баба Докие, а камни вокруг [нее] — старухины овцы и козы.

* * *

Au fost odată demult, tare demult, că nici bătrânii nu știu spune anume când au fost, dar destul că au au fost odată nouă babe. Dintre ele cea mai mare era *Baba Dochia*, o scorpie de muiere, de n-avea seamăn, iar celelalte opt erau slujnicele ei. Când era să se *desprimăvăreze*, în 1 *Mărțișor*, baba dracului n-are ce lucra, făr' se pune și își ia cojocu ei și încă opt, a celorlalte babe, slujnicele ei, își ia turma de capre și pleacă la munte, să pască oile și să facă brânză, iar pe slujnice le mână la câmp, să lucre, că doar îi primăvară. Pe drum își tot îndemna caprele zicând: „Ța, ța, ța caprele mele, / Ța la munte, / să facem brânză de frunte”.

Mergând pe drum, baba s-o-ncălzit și a-nceput a arunca tot câte-un cojoc de pe ea, până ce a rămas numai cu unu. Dar când a ajuns la munte, a dat Dumnezeu o vreme grea cu piatră și *țântărită* și baba a-nghețat cu capre cu tot, iar mai pe urmă Dumnezeu le-a împietrit și așa-s până în ziua de azi și se pot vedea în *Baba-Răcii*.

[Gherman 2002: 150–161]

Жили-были когда-то давно, так давно, что даже старики не знают, когда именно это было, но достаточно того, что жили когда-то девять старух. Самой старшей (главной) из них была *Баба Докия*, ведьма, а не баба, подобной ей не было на свете, а другие восемь баб были ее служанками. Когда должна была начаться весна, 1 марта, чертовой старухе нечего было делать, кроме как надеть свой кожух и еще восемь кожухов других старух, своих служанок, и отправиться со стадом коз в горы, чтобы пасти овец (?) и делать брынзу, а своих служанок она погнала работать в поле, ведь уже весна. По дороге она все подгоняла коз, говоря: «Ца, ца, ца, мои козы, / Ца в горы, / Сделаем отборную брынзу».

Идя по дороге, старуха согрелась и стала сбрасывать кожух за кожухом, пока не осталась в одном-единственном. Но когда она поднялась на гору, дал господь плохую погоду и град, и... и старуха замерзла вместе с козами, а потом господь превратил их в камень, и так до сего дня их можно видеть в Баба-Рэчий.

* * *

A fost odată o babă cu numele Dochia. Baba avea o noră și o turmă de capre. Baba asta de la fire era foarte rea, nu i-ai fi putut umbla în voie da să fi stat în cap. Când se cătrănea, să nu fi fost prin apropierea ei. Și cine era ziua-noaptea cu ea/ Săraca noru-sa, că de aceea îi era noră. Și de capu' cui se spărgeau toate oalele? Tot de capu' ei.

Într-o zi pe la începutul lui Mărțișor, baba ca să facă una și mai-mai, trimite pe noru-sa să-i aducă căpșuni. Să zică noru-sa: ba!? Doamne ferește!

Mergând acum nora pe drum tot gândită și necăjită, cu cine se întâlnește? Cu un om bătrân cu o barbă albă ca zăpada.

— Unde mergi nevastă așa gândită? — o întrebă omu cel cu barba albă.

— Merg la pădure după căpșuni, că am o soacră de-i talpa iadului și i-o venit așa, să mănce căpșuni, și acum mă tot gândesc că oare unde să gășăsc, că nu îndrăznesc să merg acasă cu mâna goală.

— Nu fi gândită și supărată, că doar sunt căpșuni; mergi numai coalea la poala pădurii.

Omul acela cu barba albă era adică chiar Dumnezeu.

Nora, după ce a cules căpșuni, se întoarce acasă la soacră-sa. Baba, dacă vede căpșunile, îndată pleacă la munte cu caprele. Se îmbracă cu opt cojoace, dar pe drum se încălzește și pe încetul aruncă toate cojoacele. Atunci dă Dumnezeu un vifor și un îngheț, și a înghețat baba cu capre cu tot, iar Dumnezeu a făcut-o și pe ea și caprele stane de piatră. Baba Dochia stă în mijlocul caprelor și se vede și azi pe muntele, numit după Dochia *Baba*.

(с. Беривоюл-Маре, Трансильвания, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Жила была одна старуха по имени Докия. У старухи была невестка и стадо коз. Эта старуха была очень злая, не отвяжешься, если ей что взбрело в голову. Когда она была в ярости, не дай бог оказаться рядом с ней. И кто был с ней днем и ночью? Ее бедная невестка, ведь на то она ей и невестка. И о чью голову бились все горшки? Тоже о ее голову.

В один прекрасный день в начале марта старуха, чтобы сделать другое, послала невестку, чтобы та принесла ей клубники. Скажет ей невестка «нет»?! Боже упаси!

Шла невестка по дороге задумчивая и расстроенная, и с кем же она встретилась? С одним старым человеком с белой, как снег, бородой.

— Куда идешь, молодница, такая задумчивая?

Иду в лес за клубникой, потому что у меня свекровь — настоящая ведьма и пришло ей в голову поесть клубники, и теперь я все думаю, где же ее найти, потому что я боюсь возвращаться домой с пустыми руками.

— Не беспокойся и не печалься, ведь клубника есть; иди туда, на опушку леса.

Этот человек с белой бородой был, стало быть, сам Господь Бог.

Невестка, после того как собрала клубнику, вернулась домой, к свекрови. Старуха, как увидела клубнику, тут отправилась в горы с козами. Она надела восемь кожухов, но по дороге ей стало жарко, и она стала потихоньку сбрасывать кожухи, пока не сбросила все. Тогда послал господь метель и заморозок, и старуха замерзла вместе с козами, а господь превратил и ее, и коз в каменные глыбы. Баба Докия стоит среди коз, и ее видно и сейчас на горе, которая названа в честь Докии «Баба».

* * *

Se zice că Baba Dochia era o babă tare rea, sămânța dracului, nu alta. Cu nimeni nu trăia în pace, pe toți îi mușca, dar mai ales noru-sa n-a văzut o zi bună de când era la baba în casă.

Odată, iacă din bun senin, hai, să-i aducă ei noru-să fragi. În zadar zice noru-sa cum s-ar putea așa ceva, când încă e numai mărțișor, baba nu vrea să audă.

Pleacă noru-sa tot plângând să-i aducă fragi la soacră-sa. Pe drum se întâlnește cu un popă și acesta o întreabă:

— Unde mergi, nevastă, tot plângând?

— M-a mânat soacra să-i aduc fragi și văd bine că umblu în zadar, iar acasă nu cutez să merg cum am plecat, că soacra e în stare să mă omoare.

— Pentru atâta lucru plângi? Du-te după dealu acela, că găsești destule.

Ea s-a dus încătrău i-a arătat popa și a găsit atâtea fragi, de a umplut două corfe.

După ce a adunat fragi, se întoarce către casă. Dar în drum iar se întâlnește cu popa.

— Acum du-te acasă și arată fragile la soacră-ta.

Nevasta, mulțămindu-i că a îndreptat-o unde sunt fragi, își vede de drum.

Soacră-sa neastâmpărată o aștepta să sosească, să-și mai descarce veninu, că era rânzoasă rău. Când sosește nevasta acasă, iacă și soacră-sa în poartă cu un sucitor în mână, să o bată, că doar nici prin minte nu-i trecea să afle fragi.

Când a văzut fragile, a-nmărmurit cu suciorul în mână.

— Doamne, mulțămescă-ți, c-a vine primăvara.

Acum ce-i vine-n minte, că să scoată ea oile și caprele la pășune, că doar a dat primăvara. Iute își ia cojocul și pleacă. Când a ieșit din curte, a dat Dumnezeu

o călură mare, și când dă să meargă baba pe munte la deal, nu mai poate de călură, fără și aruncă jos și cojocu, și merindea toată.

Când a ajuns în vârful muntelui, o *vin*t un ger mare, încât a-nghetat baba dimpreună cu oile și caprele. Și și astăzi se vede cum stă baba în mijlocul oilor, că le-a fucut Dumnezeu pe toate stânci.

(с. Порумбакул-де-Жос, Трансильвания, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Говорят, что Баба Докия была очень злой старухой, чертово семья, не иначе. Ни с кем не могла она жить в мире, всех кусала, а ее невестка так вообще не видела хорошего дня с тех пор, как жила в доме старухи.

Однажды ни с того ни с сего [вздумалось ей], чтобы принесла ей невестка земляники. Напрасно говорила ее невестка, что это невозможно, потому что еще только март, старуха не хотела [ничего] слушать.

Пошла невестка, плача, чтобы принести свекрови земляники. По дороге встречается она с одним попом, а тот ее и спрашивает:

— Куда идешь, молодница, вся в слезах?

— Меня послала свекровь, чтобы я принесла ей земляники, и я хорошо понимаю, что хожу напрасно, а домой боюсь идти ни с чем, потому что свекровь может меня убить.

— И только из-за этого ты плачешь? Иди за тот холм, там ты найдешь достаточно [земляники].

Она пошла туда, куда указал поп, и нашла столько земляники, что наполнила две корзины.

После того как собрала землянику, направилась она к дому. Но по дороге снова встретилась с попом.

— Теперь иди домой и покажи землянику своей свекрови.

Молодка, поблагодарив его за то, что он направил ее туда, где есть земляника, пошла своей дорогой.

Ее неугомонная свекровь ждала, когда она вернется, чтобы излить на нее свой яд, потому что была очень злобной. Когда пришла молодка домой, свекровь тут как тут, у ворот со скалкой в руке, чтобы побить ее, потому что ей и в голову не приходило, что та найдет землянику.

Когда она увидела землянику, то застыла со скалкой в руках.

— Господи, благодарю тебя за то, что пришла весна.

Теперь пришло ей в голову выгнать овец и коз на пастбище, раз началась весна. Быстро надела она кожух и оправилась в путь. Когда она вышла со двора, послал господь жару, и когда поднималась старуха вверх в гору, она так изнемогла от жары, что не могла не сбросить кожух и все съестные припасы.

Когда она поднялась на вершину горы, застал ее большой мороз, так что замерзла старуха вместе с овцами и козами. И сегодня видно, как стоит старуха среди своих овец, потому что всех их превратил господь в скалы.

* * *

Dochia era o soacără cu trei nurori. Soacre au fost de când îi lumea și mai fi până o fi lumea, dar Dochia nu cred să fi avut părechie pe sub soare. Era soacără chiar de la roată! Nurorile ei ar ști să ne spună mai bine, că nici părjol!

Într-o zi, cam cătră sfârșitul lui Făurar, Dochia trimite pe nora cea mai mare să-i aducă fragi, dar de unde fragi, când pământul îi alb ca ou' și-i frig de creapă și ouăle de corb. S-a dus noru-sa, dar nici n-o mai văzut-o.

Acum trimete pe cea de-a două noră, dar și asta a luat frunză-n buză.

În ziua cea din urmă din Făurar trimite pe nora cea mai tineră. Dar asta era o fată cu credință. În sufletul ei se ruga lui Dumnezeu să-i deie batăr o fragă. Dumnezeu îi ascultă rugăminta și iacă, găsește o fragă.

Pleacă acum cu fraga în mână acasă tare veselă, că de astă-dată o scăpat de gura și de mâna soacrei sale.

Când vede Baba Dochia că noru-sa a găsit fragi, gândea așa cu gându ei că trebuie să fie și iarbă bună de păscut. Își ia dar caprele și pleacă la munte îmbrăcată cu nouăzeci și nouă cojoace, că parcă tot nu i se împărea, îi era cam frig. Dar pe drum s-o încălzit și o-nceput lapede la cojoace, până ce le-o lăpădat toate.

Când a ajuns la munte, o dat Dumnezeu sfântu un frig ca ăla și o-nghetat și baba cu capre cu tot. Și azi se poate vedea împietrită cu caprele culcate lângă ea, lângă Râmeț [comună la poalele Munților Apuseni] și din ea curge un izvor și azi.

[Gherman 2002: 150–161]

Докия была свекровью, у которой было три невестки. Свекрови были с тех пор, как существует мир, и будут до тех пор, пока мир будет существовать, но не думаю, чтобы вторая такая, как Докия, была на свете. Это была свекровь так свекровь! Ее невестки, несомненно, могли бы рассказать нам о ней лучше.

В один прекрасный день, в конце февраля, Докия послала старшую невестку за земляникой, но откуда земляника, когда земля белая, как яйцо, а холод такой, что трескаются и яйца в гнезде у ворона. Ушла ее невестка, и больше ее и не видели.

Затем послала она вторую невестку, но и та не нашла ничего.

В последний день февраля послала она младшую невестку. Но та была девушкой истово верующей. В душе помолилась она Богу, чтобы он дал ей хоть одну ягоду земляники. Господь услышал ее молитву, и вот она нашла ягоду.

Пошла она с земляничной в руке домой, веселая, потому что на сей раз спаслась от брани и побоев своей свекрови.

Когда увидела Баба Докия, что ее невестка нашла землянику, она подумала, что должна быть и трава на пастбище. И отправилась она со своими козами в горы, надев девяносто девять кожухов, ей все казалось, что холодно.

Но по дороге ей стало жарко, и она начала сбрасывать кожухи, пока не сбросила все.

Когда она поднялась на гору, дал господь мороз, и заморозил старуху вместе с козами. И сегодня можно увидеть ее, окаменевшую, с козами, лежащими около нее, около коммуны Рымец [на одном из склонов Западных гор], и из нее бьет родник и поныне.

* * *

A fost odată o babă cu numele Dochia și ea a avut o noră. Dar soacra cu nora trăiau tare rău laolaltă, că baba era foarte rea.

Pe la gătatul lui Făurar trimite soacra pe noră, numai ca să-i facă zile rele, să-i aducă fragi coapte. Noru-sa se duce și caută, caută ziua-ntreagă, dar seară a trăbuit să se-ntoarcă acasă cum a plecat, că fragi nu erau de unde.

A două zi, era întâia Mărțișor, pleacă baba cu caprele la pădure, numai de rea ce era, ca să-i arete la nogu-sa, că-i primăvară, și ea are să facă brânză de la capre. Pleacă baba îmbrăcată bine, cu furca cu caier la brâu.

Când a ajuns la munte baba cu caprele, din frig ce era și altfel s-o năsprit vremea și mai tare, și baba o-nghețat cu capre cu tot. Baba cu caprele și azi se poate vedea pe Piatra Crăivii [o piatră la poalele Munților Apuseni, în hotarul comunei Craiva], baba cu furca în brâu și caprele lângă ea.

(с. Кишфалэу, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Жила-была одна старуха по имени Докия, и была у нее невестка. Но свекровь с невесткой не ладили между собой. Потому что старуха была очень злой.

В конце февраля послала свекровь невестку, только для того чтобы попортить ей жизнь, за спелой земляникой. Невестка ушла и искала, искала целый день, но вечером пришлось ей вернуться домой с пустыми руками, потому что землянике неоткуда была взяться.

На следующий день, это было первое марта, отправилась старуха с козами в лес, только потому что из вредности своей хотела показать невестке, что уже весна и что она приготовит козий сыр. Ушла старуха, тепло одетая, с прялкой и коноплей за поясом.

Когда поднялась на гору старуха с козами, холод еще более усилился, и старуха замерзла с козами вместе. Старуху с козами и сегодня можно увидеть на Камне Краивы [камень на одном из склонов Западных гор], старуха с прялкой за поясом и козы около нее.

* * *

O babă bătrână, trecută din vreme, cu numele Dochia, avea capre multe. Baba, altfel de la fire harnică, dar și încăpățânată, tot ea își păștea caprele prin pădure.

Odată a fost dat Dumnezeu o zăpadă până la brâu. Baba iar pleacă cu caprele la pădure, dar oamenii îi spun, să nu mai meargă și în ziua aceea, c-acolo a peri.

Ța, ța, ța caprele mele,

Eu cu bâta după ele,

și nici nu voia să audă de ce spun oamenii. După ce a ajuns în pădure n-a mai putut de frig și acolo a-ngețat baba cu capre cu tot.

Spun oamenii că *Baba* asta de atunci în tot anul, când e-nceput de primăvară, scormonește vânturi și zăpezi, ca să fie frig și cu asta să-și răzbune, ce a pățit.

[Gherman 2002: 150–161]

У одной старой бабы, отжившей свое, по имени Докия было много коз. Старуха, по характеру трудолюбивая, но упрямая, все пасла коз в лесу.

Однажды дал господь снег, и снегу выпало по пояс. Старуха снова отправилась с козами в лес, но люди говорили ей не ходить [туда] в этот день, потому что там она погибнет.

Ца, ца, ца, мои козы,

Я с палкой за ними,

и не хотела она слушать, что говорят люди. Когда она достигла леса, то изнемогала от холода, и там замерзла старуха с козами вместе.

Говорят люди, что эта *Баба* с тех пор каждый год, в начале весны, раздувает ветра и снега, чтобы было холодно и чтобы таким образом отомстить за то, что с ней произошло.

* * *

O babă din vechime, cu numele Dochia, mergând prin luna lui martie cu caprele la pășune în munte răsându-și de iarnă, ar fi zis: Ori vrea D-zeu, ori ba, ea tot va face brânză. Timpul frumos însă se schimbă într-un ger mare, iar Dochia îngheță împreună cu caprele. De aci apoi numele muntelui *Baba*.

(с. Шинка Веке, Трансильвания, Румыния, информант Эустакиу Крисяну [Fochi 1976: 23–29])

В древности одна старуха по имени Докия, идя в марте месяце с козами на горное пастбище (и) смеясь над зимой, будто бы сказала: «Хочет ли (того) Господь Бог, нет ли, я все равно приготовлю сыр». Хорошая погода, однако, сменилась большим морозом, а Докия замерзла вместе с овцами. Отсюда пошло название горы — Баба.

1.1.3. Банат

Baba Dokía

Baba Dokía care o plecat la muncé dă murit acoló. Ia o avut o nuor și ia o fost muiere riă. Ia o pus pră noru-sa să facă dîn lînă năgră albă și dîn albă să facă

ňagră. Și spălin-lîna la rîu o veñit la ia un înzer și o kiçit-o cu florî, ș-o făcut lîna ñagră albă și dîn albă, ñagră. Ș-o-n-vățat-o să spună c-o veñit un fișor dîla munçe: Ș-acolô o-influrit, iestă florî și ie cald la munçe. Atunșa Dokia o luvat pră Pătru, pră slugă, cu caprîli ș-o plecat la munçe. Și cînd o mîrs acolô la munçe, o-nghiețat nasu lu Pătru; s-o făcut țuțur. Și dzîse ia cătră iel: “Tu dzîs în fluer, da io muor dă frig”. Ș-o și murit, și ia, și iel, și caprîli. S-o făcut piatră. Și dîn trupu iei izvoară apa N’ergăñului dîla munçe.

Ia o luvat douăsprăse cojoașe. Cînd s-o umplut dă ñauă, l-o lăpădat; și cîn s-o umplut altu, iar l-o lăpădat, păn o udzit dă tot în cămașă. Atunș o și murit; o-nghiețat, s-o făcut piatră.

(с. Шопоту-Ной, жудец Караш-Северин,
Банат, Румыния, информант Илие Бэлауре
[Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

Баба Докия, которая ушла в горы и умерла там. У нее была невестка, и она (Баба Докия) была злая женщина. Она заставила свою невестку делать из черной шерсти белую, а из белой делать черную. И когда она (невестка) мыла шерсть в реке, подошел к ней ангел и украсил ее цветами, и сделал черную шерсть белой, а из белой — черную. И велел ей сказать, что пришел какой-то парень с гор, и там будто бы все расцвело, и уже тепло в горах. Тогда Докия взяла с собой Пэтру, батрака, и они с козами ушли в горы. И когда они шли в гору, Пэтру отморозил нос, и (нос) сделался ледяной сосулкой. И говорит она ему: «Ты играешь на флуере, а я умираю от холода». И умерли, и она, и он, и козы. И превратились в камень. И из ее тела, с гор, течет вода Неры.

Она надела двенадцать кожухов. Когда (кожух) промок от снега, она его сбросила; и когда промок другой, она и его сбросила, пока не промокла насквозь в рубашке. Тогда она и умерла; замерзла, превратилась в камень.

Baba Dokia

Baba Dokia o avut nor. Și ia o băzucurit pră noru-sa. O mînat-o la rîu să facă dîn lînă laie albă și dîn albă să facă ñagră. Dar ia tot o freat și nu măi poaçe să facă, noru-sa. Ș-atunș Maica Mărie o scoborît la ia și i-o dat două kiț dă florî, brebeñei, micsă și cocoșăi, ș-o dzîs: “Na, să le dai lu soacră-ta și să-i spuñ că munçe o dat brebeñei și cocoșăii și micsa”. Atunșa li-o dat la soacră-sa. Atunș soacra o dzîs:

*Ahă’, o trecut Kilendarî,
Cu sînzîli tarî.
Pră Mărtîșor
Îl pun la curîșor.*

Atunşa ia o luvat cíni şi sluga şi oili ş o plecat la munci. Acú la muncé, Dumńidzău o pus s-o storască, undzi tăt o făcut riále, ploaie şi vînt şi náuă.

Ş-atunşa Dumńidzău o făcut-o piatră şi oili şi cíni şi pră slugă. Atunş o curăţit-o Dumńidzău dă păcaće. Dîn trupu iei izvoară apă, dîn piatra aia.

Atunş n-o putut-o Dumńidzău s-o dostorască în luna lu Mărţişor. O mai luvat împrumut díla Príer doauă stămín. D-aia vin víjulii, vremurí rále în luna lu Príer. Dзі́ше оами́ні: Acú-s împrumutárilі, că d-aia-i vrémia rîă.

(с. Шопоту-Ной, жудец Караш-Северин, Банат, Румыния, информант Пэуна Ранку [Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

У Бабы Докии была невестка. И она издевалась над своей невесткой. Послала ее на реку, чтобы та сделала из темной шерсти белую, а из белой сделала черную. Но она терла-терла (шерсть) и больше уже не могла, ее невестка. И тогда Мать Мария спустилась к ней и дала ей два букетика цветов, режухи (жерухи, анемона), фиалки и желтоцвета, и сказала ей: «На, отдай их своей свекрови и скажи ей, что гора дала жеруху (анемон), и желтоцвет, и фиалку». Тогда она (невестка) отдала их своей свекрови. Тогда свекровь сказала:

Ахэ, прошел январь

С крещенскими морозами.

Мэрцишор (уменьшит. от «март», марток)

Я отправлю в з-цу.

Тогда она взяла собак, и батрака, и овец и ушла в горы. Там, на горе, Господь Бог послал бурю, принялся рушить все вокруг, лило так, что потекли ручьи (реки), дождь, и ветер, и снег.

И тогда Господь превратил в камень и овец, и собак, и слугу. Тогда очистил ее Господь от грехов. Из ее тела потекла вода, из этого камня.

Тогда не смог Господь порушить все в марте месяце. Он взял взаймы в апреле две недели. Из-за этого бывают метели, плохая погода в апреле месяце. Говорят люди: сейчас одолженные (дни), из-за этого плохая погода.

Baba Dokia

O fost o babă ş-o avut o nor. Şi baba o pus pră nora să facă lina ha nágră s-o facă albă. Ş-atunş o-mblat Domnu Ristos cu Sfîntu Pátru pră pámînt şi iei află pră nora spălînd la lînă şi să vaită dzi babă. Şi baba o fost mărhaşă, o ínut capri, o avut şi moş. Şi Hristos cu Sfîntu Pátru o adus kíţ dzi florí ş-o dat la nora cari s-o vaitat ş-o spus să-i dze babi florili şi spună că ieştă florí la munci şi iarbă dzistulă. Şi baba să míńie' că cum poaci să şadă cu caprili şi la păduri ieştă florí dzistuli, la munci.

Şi ia atunşa dзі́ші că să duşi la munci cu caprili, şi ia şi moşu; şi doauăspăsi cojoaşi o luvat cu iei. Şi s-o pus vrémi ră pănă toaci cojoaşili le-o lăpădat dзі́ pră

ia, că s-o udat, și ia o udzit goală făr țoali. Ș-atunșa ia s-o rugat Dumnidzău s-o-mpetriască; ș-o-mpetrit-o. S-audzi așa că s-ar fi vădzut undživa caprili împetriči cu moș cu tot și cu baba. Dž-atunșa să dziși Baba Dokia. Și să numiești dzi la dziua iei doauăsprăși dziți vreme ră. Cînd vidžem primăvára că-i vremea ră, dzișim că-s babili. Cîn trec babili, atunșa ni bucurăm că să fași vreme.

(с. Рудэрия, жудец Караш-Северин, Банат, Румыния, информант Михай Добрен [Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

Жила-была одна старуха, и была у нее невестка. И старуха велела невестке сделать черную шерсть белой. А в то время ходил Господь (Х)ристос со святым Петром по земле, и они увидели молодицу, которая мыла шерсть и плакала из-за старухи. А старуха была торговкой, держала коз, был у нее и старик. И Христос со святым Петром принесли букетик(и) цветов и дали их молодице, которая плакала, и велели ей отдать старухе цветы и сказать, что (уже) есть цветы и достаточно травы. И старуха разозлилась — как можно сидеть (тут) с козами, когда в лесу уже достаточно цветов, в горах.

И она тогда сказала, что пойдет в горы с козами, взяла и старика, и двенадцать кожухов на себя надела. И началось такое ненастье, что она все кожухи сбросила, потому что они промокли, и она промокла, голая, без одежды. И тогда она попросила Господа превратить ее в камень, и он превратил ее в камень. Слыхали, что будто бы видели где-то окаменевших коз со стариком и старухой. Отсюда и пошло (название) Баба Докия. И называются дни от ее дня двенадцать дней плохой погоды. Когда мы видим весной, что погода плохая, говорим, что это *бабы (старухи)* — «*babili*». Когда прохдят *бабы*, тогда мы радуемся, что погода улучшилась.

Zilele babei

În Almaș trăia odată o pereche tânără, care ar fi fost pe de-a-ntregul fericită, dacă mama bărbatului, o femeie haină, n-ar fi stăpânit peste casă și împotriva căreia nu se puteau apăra cu țările nici fiul, nici femeia lui, căci datorau ascultare babei. Aceasta îi dădea adesea nurorii ei munci aproape cu neputință de împlinit, dar pe care ea le ducea totuși întotdeauna la bun sfârșit, mulțumită supunerii ei și a ajutorului lui Dumnezeu. Se întâmplă odată că baba îi dădu nurorii ei niște lână neagră de oaie cu porunca s-o spele la râu până avea să se albească. Deși știa că așa ceva e cu neputință, dar ca să fie ascultătoare, tânăra nevastă merse totuși la râul din apropiere și începu să-nmoaie lâna. Dar oricât se silea, când o scotea din apă, lâna era la fel de neagră ca la început. Dar, suflet bun, femeia nu se lăsă descumpănită de asta, ci freca mai departe cu sărg până ce se înseră. Măinile-i erau numai răni, iar de durerea din afară și din lăuntru ei o podidiră lacrimile.

Acum veni pe drum Domnul Cristos, însoțit de Apostol Petru. Domnul îi spuse femeii care plângea:

— Ce faci aici și de ce plângi?

Fără să știe cu cine vorbește, ea răspunse:

— Ah, domnule, soacra mea mi-a poruncit să spal lâna asta de oaie până s-o face din neagră albă și-am înmuiat-o și-am frecat-o toată ziua de mi s-au jupuit mâinile, d-aia plâng.

Mântuitorul, care știa durerea din sufletul ei, grăi:

— Ascult-o pe soacra ta, jupoaie-ți mâinile spălând, Domnul o să fie cu tine!

După ce Domnul și Ucenicul său plecară, femeia începu din nou să spele cu sârg și când scoase din nou lâna din apă, iată, se mai deschisese. Bucuroasă, își continuă treabă până se înseră, și atunci, în fine, lâna neagră se făcuse de un alb strălucitor. Plină de voieșie, grăbi spre casă și-și înfipse veselă flori în păr, primele pe care primăvara le risipise peste câmp. Când îi aduse lâna albită soacrei ei, aceasta își înghiți mânia, căi se bucurase dinainte la gândul că avea să-și verse necazul pe sărmana femeie, și o întrebă doar în bătaie de joc:

— Cine ți-a pus florile astea în păr, poate un ibovnic?

— Le-am găsit pe câmp, răspunse ea liniștită, și mi le-am pus singură în păr.

Când auzi baba asta, își chemă grabnic feciorul și-i zise:

— Iată, băiete, a venit primăvara, e vremea să mergem cu caprele și cu oile noastre la munte. Ce frumos o să fie pe munte! Să-ți iei fluierul și să cânti; oho, ce bine-o să fie! Iar eu însămi am să joc.

Într-adevăr, a două zi dimineața, însoțită de feciorul ei, porni cu caprele și oile la munte. Prevăzătoare, deoarece primăvara era încă timpurie, luă cu ea nouă cojoace; plecară astfel și o lăsară singură acasă pe tânără navastă. Cum ajunseră pe prima culme, cerul se însenină tot mai mult, adieri blânde băteau peste câmp. Dar primăvara nu făcuse încă să dea colțul ierbii pe pășune, așa încât caprele și oile se buluceau fără astâmpăr, căci nu aveau cu ce să-și potolească foamea. Cu toate astea, baba era voieasă, iar vremea fiind atât de blândă, ea își aruncă pe drum unul din cele nouă cojoace, nefiindu-i de folos. Cu cât urcau, cu atât se făcea mai cald, iar aerul devenea mai blând, așa că baba arunca în fiecare zi câte un cojoc, iar într-a noua zi îl azvârli și pe ultimul. Turma înfometată însă, care tot nu dădea de iarbă, era cu fiecare zi mai nestăpânită și mai împrăștiată. Baba lua această behăială și alergătură drept bucuria pricinuită de venirea primăverii.

După ce își aruncase ultimul cojoc, vremea se schimbă deodată. Vântul începu să sufle tăios și cu putere, de asemenea să plouă și să ningă. Bietele animale se băgară speriate unele în altele, capre și oi amestecate, bătrâna rămase însă cu feciorul ei liniștită, căci înghetaseră amândoi. De frig, feciorului îi

picurase scuipatul din gură și înghetase, formând un sloi, pe piept și pe buze. Bătrâna, care de frig și necaz abia putea să mai vadă și să audă, zise acum:

— Băietе, cum mai poți să câнți din fluier, căci eu sunt aproape înțepenită de frig!

Ea credea că țurturele de gheață de la gura feciorului ei e fluierul, iar șuierul vântului sunetele scoase de el. După ce vorbi astfel, apăru Primăvara și-i spuse în bătaie de joc:

— Ei, babo, cum îți place primăvara? De ce nu joci la cântecul fecioruli tău? Nu i-a fost și noiei tale frig, să spele o zi întреagă lâna la râu? Totuși ea a găsit apoi flori în poiană.

Primăvara pieri și baba privi spre feciorul ei care înțepenise și pierise de frig laolaltă cu turma lui; atunci își pierdu curajul, se făcu tot mai țeapănă și muri și ea. Trupurile lor s-au prefăcut în stână de piatră în poziția pe care o avuseseră în viață; ele pot fi văzute și astăzi în Almaș, cu turma împietrită împrejurul lor. La picioarele babei curge un izvor, iar feciorul mai are în gură așa-zisul fluier. Primele nouă zile ale lunii aprilie, care cu vremea lor frumoasă au ademenit-o la munte pe baba cu feciorul ei și cu cele nouă chojace, se mai numesc la valahi “zilele babei” și nimeni nu trebuie să se încredă în toanele lor.

(Алмаш, Банат, Румыния. В оригинальном (немецком) издании книги братьев Шотт легенда приводится на немецком языке под названием “Die Altweibertage”; здесь дается перевод на румынский по изданию: [Schott 2003])

Дни старухи

В Алмаше жила когда-то одна молодая чета, которая была бы полностью счастлива, если бы мать мужа, жестокая женщина, от которой не могли защититься ни сын, ни его жена, вынужденные слушаться старуху, не управляла домом. Она часто давала своей невестке почти невыполнимые задания, которые та все же доводила до успешного завершения благодаря своей покорности и помощи Господа Бога. Случилось однажды так, что старуха дала своей невестке черную овечью шерсть, велев мыть ее в реке, пока она не побелеет. Хотя и зная, что подобное невозможно, но будучи послушной, молодлица все же пошла на реку, которая протекала неподалеку, и начала мочить и стирать шерсть. Но сколько она ни старалась, когда она вынула ее из воды, шерсть была так же черна, как и вначале. Но, добрая душа (?), женщина не была выведена этим из равновесия и продолжала усердно тереть [шерсть], пока не стало вечереть. Ее руки были сплошной раной, а от физической и душевной боли у нее хлынули слезы.

Тем временем шел по дороге Господь Христос, сопровождаемый апостолом Петром. Господь сказал женщине, которая плакала:

— Что ты здесь делаешь и почему плачешь?

Не зная, с кем говорит, она ответила:

— Ах, господин, моя свекровь велела мне мыть эту овечью шерсть, пока она из черной не станет белой, и я мочила и терла ее весь день, пока не ободрала руки, из-за этого я плачу.

Спаситель, который знал боль ее души, сказал:

— Слушайся свою свекровь, обдирай свои руки, моя [шерсть], и Бог пребудет с тобой!

После того как Господь и его ученик ушли, женщина снова принялась усердно мыть [шерсть], и когда она снова вытащила шерсть, та была светлее. Обрадованная, она продолжала работу до вечера, и тогда, наконец, черная шерсть сделалась белоснежной. Полная воодушевления, она спешила к дому и воткнула на радостях в волосы цветы, первые цветы, которые весна рассыпала по полю. Когда она принесла отбеленную шерсть свекрови, та проглотила свою ярость, хотя до этого радовалась мысли о том, чтобы излить свою злость на бедную женщину, и спросила ее, насмехаясь:

— Кто вплеп тебе в волосы цветы, наверное, какой-нибудь любовник?

— Я нашла их в поле, — ответила та спокойно, — и сама вплепала их в волосы.

Когда услышала это старуха, она спешно позвала сына и сказала ему:

— Смотри, сынок, пришла весна, пора идти с нашими козами и овцами в горы! Как красиво должно быть в горах! Возьми с собой флуер и будешь играть, ого, как будет здорово! А я буду танцевать.

И действительно, на следующий день утром в сопровождении своего сына отправилась она с козами и овцами в горы. Будучи предусмотрительной, поскольку весна едва начиналась, она взяла с собой девять кожухов; таким образом, они ушли, оставив молодницу одну дома. Когда достигли они первой вершины, небо стало еще более ясным, веял мягкий ветерок. Однако весна еще не сотворила ни клочка травы, чтобы животные могли пасть, так что козы и овцы толкались, не переставая, потому что им было нечем утолить голод. При всем том старуха была бодрой, а погода была такой ласковой, [что] она сбросила по дороге один из девяти кожухов, потому что он ей был без надобности. Чем выше они поднимались, тем теплее становилось, а воздух становился все более мягким, так что старуха сбрасывала каждый день по одному кожуху, а на девятый день скинула и последний. Однако голодное стадо, которое так и не нашло травы, становилось с каждым днем все более неуправляемым и все больше разбрелось. Старуха, однако, принимала это бляние и спешку за радость, вызванную приходом весны.

После того как она сбросила последний кожух, погода вдруг изменилась. Начал дуть сильный и резкий ветер, пошел дождь и снег. Бедные животные лезли в страхе одни на других, козы и овцы вперемешку, однако

старуха с сыном оставались спокойны, хотя и замерзли оба. От холода у сына изо рта шел пар и [тут же] замерзал, превращаясь в сосульку на его груди и губах. Старуха, которая от холода и досады едва могла видеть и слышать, сказала тогда:

— Сынок, как ты можешь играть на флуере, когда я почти оцепенела от холода!

Она думала, что ледяные сосульки на губах ее сына — это флуер, а свист ветра — это его звуки. Когда она произнесла это, появилась Весна и сказала насмешливо:

— Эй, старуха, как тебе нравится весна? Почему ты не танцуешь под песню твоего сына? Разве не было и твоей невестке холодно целый день мыть шерсть на реке? И все же она нашла потом цветы на поляне.

Весна исчезла, и старуха взглянула на своего сына, который оцепенел и погиб от холода вместе со стадом; тогда она потеряла [всю] свою храбрость, цепенела все больше и больше и тоже умерла. Их тела превратились в каменную скалу в той же позе, что и при жизни; их можно увидеть и сегодня в Алмаше, с окаменевшим стадом вокруг. В ногах у старухи бьет родник, а ее сын до сих пор держит во рту так называемый флуер. Первые девять дней апреля, которые своей хорошей погодой заманили в горы старуху с ее сыном и девятью кожухами, называются у валахов также «старухины дни», и никто не должен верить их капризам.

* * *

Baba Dochia a avut un fecior carele s-a însurat și Baba Dochia a trăit rău cu nora sa, și feciorul nu-și putea apăra muierea de ea.

Baba Dochia odată a dar norei sale lână neagră (laie) și a mânat-o la râu, ca să o spele și să o aducă albă, căci altcum nu va fi bine de ea. Baba Dochia în tot modul năcăjea pe noră.

Nora s-a dus la râu și a spălat lâna, până i s-au belit degetele și a curs sânge din ele de a roșit apa, și lâna totuși a rămas neagră, și nora a început a plânge.

Hristos s-a făcut atunci om și cu Sân-Petru s-a scoborât la râu, și a întreat-o: «De ce plângi?» iară ea i-a spus tot necazul ei cu soacra.

Hristos i-a spus ca să spele lâna, a mângăiat-o și a binecuvântat-o, și i-a dat o chiță (chițuș) de flori de micșea și de cocoșei pritindu-i că dacă ajunge acasă să deie flori și soacrei.

Nora și-a pus florile la ureche, a mai spălat până înmurgit, și-a cărat lână pe cap, și a pornit acasă cu voie bună și când a descărca lână, a fost albă, și s-a bucurat.

Baba Dochia când a văzut că lâna e albă, s-a mirat și iară s-a mâniat pentru că nu poate să bage de vină, și când a văzut că nora are flori la ureche și a ocărât-o și i-a zis că le-a căpătat de la drăguț. Nora i-a răspuns că le-a căpătat de la Mărțișor, și i-a dat și ei flori, iar Baba Dochia a început a-și bate joc de Mărțișor.

Baba Dochia, văzând florile s-a socotit ca să meargă cu oile și caprele la munte la pășune, crezând că primăvara, și a poruncit feciorului său ca să pregătească badanile și găletite și i-a zis: “Haidați la munte, că a înflorit pășunea! tu-ți iei fluierul și zici, iară eu voi juca!” Feciorul I răspunse că abia a trecut Făurar, apoi mai este și Mărțișor, și o parte din Prier, și să nu grăbească. Baba Dochia atunci de nou o bațjocori zicând: “Pe Făurar îl trag prin găunar, pe Mărțișor prin ciurișor!” și a luat cu sine 12 cojoace și a plecat cu feciorul la munte.

Au plecat cu soare și, după ce au ajuns la munte, a început a ploia și ninge, și acuși era a fi soare, acuși a îngheța și, udându-se cojocul, deasupra, a înghețat și a îngreunat, și Baba Dochia l-a aruncat pe tufe și s-a dus tot mai sus pe munte, după capre și după oi, pentru că căuta irbă și Baba Dochia a aruncat în toată ziua câte un cojoc, până l-a aruncat pe toate.

Feciorul Babei Dochiei a înghețat pe munte și i s-a făcut sloi pe gură și barbă, dar Baba Dochia nu a băgat de seamă și a strigat: “Eu nu mai pot de frig, și tu tot zăci din fluieraș!”

Atunci i s-a arătat Mărțișorul și a întrebat-o în badjocură: “Cum îți place primăvara, și de ce nu joci la fluierul feciorului, că nici noiei nu-I a fost frig să spele toată ziua lână la râu!”

Mărțișorul a perit, iară Baba Dochia și feciorul ei au înghețat cu toate oile sus pe munte și pe urmă s-au împetrit.

Baba Dochia cu feciorul, oile și caprele și azi se văd împietriți pe muntele Semenici. Și la picioarele Babei Dochiei s-au făcut un izvor din care curge apă.

Mărțișorul a omorât pe Baba Dochia, pentru că l-a bațjocorit, dar nu putea să o omoară dacă nu avea zile destule, însă a luat și împrumutate.

(жудец Караш Северин, Банат, Румыния [Marienescu 1994: 233–247]. Данный вариант скомпилирован А.М. Мариенеску в 1890 г. из записей, которые сделали Илия Ганэ, учитель из с. Рэжэндия, Конст. Унгуряну, учитель из с. Саска Монтанэ, Иоан Орза, учитель из с. Чиклова Ромынэ, Якоб Оциану, учитель из с. Петрилова, Джордже Покряну, священник из г. Решица, Георге Ругачиу, кастелян и Н. Апостолеску, богослов из г. Оравица, а также из публикации братьев Шотт, см.: [Schott 2003])

У Бабы Докии был сын, который женился, и Баба Докия плохо обходилась с невесткой, и ее сын не мог защитить свою жену от нее.

Баба Докия однажды дала невестке черную шерсть и послала ее на реку, чтобы она вымыла (шерсть) и принесла ее белой, иначе ей придется худо. Баба Докия всячески обижала невестку.

Невестка отправилась на реку и мыла шерсть, пока у нее не ободрались пальцы и не потекла кровь, так что вода покраснела, а шерсть попрежнему оставалась черной, и невестка заплакала.

Христос превратился тогда в человека и вместе со святым Петром спустился на реку, и спросил ее: «Почему ты плачешь?», и она рассказала ему о своем несчастье из-за свекрови.

Христос сказал ей мыть шерсть, приласкал ее и благословил, и дал ей букетик цветов фиалки и желтоцвета, чтобы она, когда вернется домой, дала цветов и свекрови.

Невестка заткнула цветы за ухо, и продолжала мыть шерсть, пока не наступили сумерки, а затем сложила шерсть на голову и отправилась домой в хорошем расположении духа, и когда она сгрузила шерсть, та была белой, и она (невестка) обрадовалась.

Баба Докия, когда увидела, что шерсть белая, удивилась, а потом снова разозлилась, потому что не к чему было придраться, и когда увидела, что у невестки цветы за ухом, стала корить ее и сказала, что та, наверное, получила их от какого-то возлюбленного. Невестка ответила, что получила их от Марта (*Mărțișor*), и дала и ей (свекрови) цветов, а Баба Докия начала насмехаться над Мартом.

Баба Докия, увидев цветы, решила, что пойдет с овцами и козами на пастбище, (потому что) подумала, что уже весна, и велела сыну приготовить чаны и ведра и сказала ему: «Айда в горы, потому что уже расцвело пастбище! Ты возьмешь свой флуер и будешь играть, а я буду танцевать!» Сын ответил ей, что едва прошел февраль (*Făurar*), что (в запасе) еще есть март (*Mărțișor*) и часть апреля (*Prier*) и что не следует торопиться. Тогда Баба Докия снова начала насмехаться, говоря: «Февраль я протащу сквозь дырку, а Март сквозь сито!», и взяла с собой двенадцать кожухов, и отправилась вместе с сыном в горы.

Когда они пустились в путь, было солнечно, а когда оказались в горах, начался дождь и снег, и (так всю дорогу) то солнце, то то заморозки, и у нее (Бабы Марты) промок кожух, а потом заledenел, стал тяжелым, и Баба Докия бросила его в кусты и отправилась дальше, все выше на гору, вслед за козами и овцами, которые искали траву, и Баба Марта сбрасывала каждый день по одному кожуху, пока не сбросила все.

Сын Бабы Докии замерз в горах, и у него намерзли сосульки на губах и подбородке, а Баба Докия не поняла, в чем дело, и закричала: «Я изнемогаю от холода, а ты все играешь на флуере!»

Тогда ей явился Март (*Mărțișor*) и спросил ее, насмехаясь: «Как тебе нравится весна, и почему ты не танцуешь под флуер твоего сына, ведь твоей невестке не было холодно, когда она целый день мыла шерсть на реке!»

Март исчез, а Баба Докия и ее сын замерзли вместе с овцами и козами на вершине горы и затем окаменели.

Баба Докия с сыном, овцами и козами и сегодня видны окаменевшие на горе Семеник. И из-под ног Бабы Докии забил родник.

Март погубил Бабу Докию за то, что она насмеялась над ним, но он не смог бы ее погубить, если бы у него не было достаточно дней, однако он взял их взаймы.

* * *

Pe când Sf. Petru [care trăia prin acele părți] se găsea tare bolnav, a trimis pe niște babe după buruieni de leacuri, în țara sârbească, cari au întârziat foarte mult venirea lor și pe când sfântul era aproape a-și da sfârșitul, văzând că ele nu mai vin, a trimis în două rânduri în calea lor, să privigheze din sprinceana munților, dacă se văd venind, și i s-a spus că nu se văd, iar a treia oară, pe când sfântul își dete ultima suflere, i s-a răspuns că babele se văd odihnind pe o piatră din apropiere. Atunci sfântul le-a blăstămat zicând: «Stei de piatră să se facă!», și așa au rămas până astăzi!

Stâncile despre care este vorbă în această variantă ale legendei, numite «Babele» sau «Baba Dochia» se află puțin mai în sus de insula Banului (Mehedinți), aproape de cataracte, în marginea Dunării. În apropiere se află o cruce de piatră, înaltă aproape de doi metri, care se numește Crucea lui Sf. Petru. (жудец Мехединць, Румыния [Pamfile 2005: 86])

Когда св. Петр [который жил в этих краях] тяжело заболел, он послал неких старух за лекарственными травами в Сербию, (но) они сильно запаздывали, и когда святой уже готов был скончаться, видя, что они все не возвращаются, он дважды посылал людей посмотреть с вершины горы, не идут ли они, и ему сказали, что их не видно, а на третий раз, когда святой уже испускал последний вздох, ему сказали, что старух видели отдыхающими на камне неподалеку. Тогда святой проклял их, сказав: «Каменными скалами пусть станут!», и так они остаются (там) по сию пору.

Скалы, о которых говорится в данном варианте легенды, называемые “Babele” («Бабы», Старухи), или “Baba Dochia” («Баба Докия»), находятся в жудеце Мехединць, в горах над берегом Дуная, чуть выше острова Бана (insula Banului). Неподалеку находится каменный крест — «Крест Святого Петра» (Crucea lui Sfântu Petru).

1.1.4. Олтения Dochia

Dochia a fost o babă răutăcioasă și a trimis pe noru-sa la apă cu lână albă și neagră să spele. Lâna albă s-o facă neagră, iar pe cea neagră, albă. D-zeu a găsit-o plângând. Ea i-a povestit porunca soacrei. D-zeu a făcut așa. Soacra nu s-a mulțumit cu asta, ci a trimis-o să-i aducă fragi coapte. Aflând despre ce-i vorba, D-zeu i-a poruncit să dea zăpadă la o parte și imediat au răsărit fragile. Soacră-sa a fost așadar convinsă că a sosit vara. Ea a luat 9 cojoace și a plecat cu caprele la

munte. Pe drum a apucat-o iarna, deoarece ea lepădase cojoacele unul câte unul, înăduşindu-se de atâtă caldură şi de oboseală. A noua zi a apucat-o lapoviţa cu zăpadă şi așa a îngheţat de ger cu capre cu tot şi s-a prefăcut în stână de piatră. Din trupul ei, se zice că izvorăşte primul izvor al gărlui Cerna.

(с. Пожоджь, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Конст. Преотеску [Fochi 1976: 23–29])

Докия

Докия была зловредной старухой и (однажды) послала свою невестку к воде с белой и черной шерстью — мыть ее. Белую шерсть сделать черной, а черную — белой. Господь Бог нашел ее (молодицу) плачущей. Она рассказала ему о поручении свекрови. Господь Бог сделал так. Свекровь не удовольствовалась этим, а послала ее (невестку), чтобы та принесла ей спелой земляники. Узнав, о чем речь, Господь Бог велел ей разгрести снег, и немедленно взошла и поспела земляника. Свекровь (молодицы) была, таким образом, убеждена в том, что пришло лето. Она надела девять кожухов и ушла с козами в горы. По дороге ее застигла зима, потому что она сбрасывала кожухи один за другим, задыхаясь от жары и усталости. На девятый день ее застиг дождь со снегом, и она замерзла на морозе вместе с овцами и превратилась в каменную скалу. Из ее тела, говорят, берет начало исток речки Черны.

Baba Dochia

Baba Dochia avea o noră. Ea era o femeie foarte rea și își persecute nora, punând-o la munci foarte grele. Într-o zi i-a dat lâna neagră de capră, poruncindu-i să o spele până se va face albă. Noră-sa merse la spălat, dar văzând că nu reușește, a început să plângă. În acest timp veni la ea un om cu șase aripi, care o rugă să nu plângă și-i făcu lâna albă. Venind acasă, *Baba Dochia* o puse să aducă apă cu ciurul, pentru ca ea să poată merge cu caprele la munte. Mergând cu caprele, îmbracă 9 cojoace și i-a fost foarte cald, încât a început să arunce cojoacele unul după altul. Când a rămas goală, a dat D-zeu un ger tare și ea a îngheţat cu caprele sale cu tot. Noru-sa a fost însă răpită de omul cel cu 6 aripi, dusă peste Dunăre și apoi adusă din nou aici, unde el a fost împărat și s-a bătut cu *cătcăunii*.

(с. Гырла Маре, жудец Мехединць, Олтения, Румыния, информант Т. Попеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

У бабы Докии была невестка. Она (Баба Докия) была женщина очень злая и притесняла свою невестку, заставляя ее выполнять очень тяжелую работу. Однажды она дала ей черную козью шерсть, велел мыть ее до тех пор, пока (шерсть) не сделается белой. Ее невестка отправилась мыть

шерсть, но видя, что (ничего) не получается, начала плакать. В это время пришел к ней человек с шестью крыльями, который попросил ее не плакать и сделал шерсть белой. Когда она (молодица) пришла домой, Баба Докия велела ей принести воды в решете, чтобы она (Баба Докия) могла пойти с козами в горы. Отправляясь с овцами, она (Баба Докия) надела девять кожухов, и ей было очень жарко, так что она начала сбрасывать кожухи один за другим. Когда она осталась раздетой, дал Господь Бог сильный мороз, и она замерзла вместе со своими козами. Ее невестка же была захвачена тем человеком с шестью крыльями, унесена за Дунай, а потом доставлена снова сюда, где он был императором и сражался с *cătcăuni*¹.

* * *

Baba Dochia s-a făcut stană de piatră sus la vârful Godeanu, iar fiul ei, pe nume Dragomir, ar fi înghețat și el când baba l-a strigat:

*Dragomire, Dragomire,
Tu cânti din fluierel
Și eu nu mai pot de ger.*

(с. Гэрдэняса коммуны Поноареле, жудец Мехединць, Олтения, Румыния, информант Митикэ Небуну [Boteanu, Borloveanu 2003: 323])

Баба Докия превратилась в каменную глыбу на вершине Годяну, а ее сын по имени Драгомир тоже замерз, когда старуха крикнула ему:

*Драгомир, Драгомир,
Ты играешь на флуере,
А я изнемогаю от холода.*

Dochia

Dochia era o babă și avea un copil numit *Dragobete Iovan*. Însurându-l, i-a dat nevastă. *Baba Dochia* trăia foarte rău cu noru-sa și o punea să facă lucruri peste puterea ei, așa că într-o zi a pus-o să păzească două oale cu urzici să nu dea în foc, fiind puse fiecare oală în două odăi deosebite. Noru-sa, ajutată de D-zeu, le-a păzit. Altă dată, pe la finele lunii lui Făurar, a trimis-o să-i aducă fragi coapte. D-zeu i-a dat și fragi de a adus soacră-sa. Când a văzut *Baba Dochia* fragile coapte, a chemat pe fiul ei *Iovan Dragobete* și i-a zis: Uită-te, Iovane, mamă, fragile-s coapte, aide cu oile și caprele la munte! La întâia zi a lunii lui marți, *Baba Dochia* se îmbracă cu 9 cojoace și-și ia furca în brâu, caprele, oile și pe fiul ei *Iovan* și pleacă la munte, părăsind pe noru-sa. Abia ajunge *Baba Dochia* în

¹ *Cătcăuni* (*căpcăuni*) — персонажи румынской мифологии, которых описывают как людей (?) с собачьими головами, двумя ртами, тремя глазами и т.д.; людоедов [Fochi 1976: 54–56].

munte și viscolul geros se puse pe ei. Rabdă baba o zi și leapădă un cojoc, rabdă două și leapădă și pe al doilea cojoc, și așa pe fiecare zi, până când în a noua zi leapădă și al noulea. Atunci, cuprinsă de ger, nu mai putea, se uita la fiul său *Iovan* care înghețase de mult, fiindcă fusese mai rău îmbrăcat și din a cărui gură atârna un sloi de gheață. Văzându-l astfel, zise *Dochia*: *Iovane*, mamă, eu nu mai pot de ger și tu cântă cu cavalu[!]. El nu i-a răspuns nimic. Oile și caprele înghețaseră și ele de mult. În noaptea a noua a înghețat și *Baba Dochia*, sleindu-se pe o piatră din care și astăzi curge apă.

(с. Албень, жудец Горж, Олтения, Румыния, информант Дж. Рэдоеску [Fochi 1976: 23–29])

Докия

Докия была старуха, и у нее был сын, которого звали *Драгобете Йован*. Она женила его, дала ему жену. Баба Докия не ладила со своей невесткой и заставляла ее выполнять непосильную работу; так, однажды она велела ей следить за двумя горшками, в которых варилась крапива, чтобы (эта крапива) не сгорела, причем горшки находились в двух разных помещениях. Невестка с Божьей помощью за ними уследила. В другой раз, в конце февраля (*luna lui făurar*), она (Баба Докия) послала ее (невестку), чтобы та принесла ей спелой земляники. Господь Бог дал ей и землянику, чтобы она отнесла ее своей свекрови. Когда увидела Баба Докия спелую землянику, она позвала своего сына, *Йована Драгобете*, и сказала ему: «Смотри, Йован, сынок, земляника поспела, пойдем с овцами и козами в горы!» В первый день месяца марта Баба Докия надела девять кожухов, заткнула прялку за пояс, взяла коз, овец и своего сына Йована и ушла в горы, оставив невестку одну. Едва поднялась Баба Докия на гору, как морозная метель набросилась на них. Терпела баба день и сбросила один кожух (так как он промок), терпела другой и сбросила второй кожух, и так каждый день, пока на девятый день не сбросила и девятый кожух. Тогда, объятая холодом, она больше не могла терпеть; посмотрела она на своего сына Йована, который уже давно замерз, потому что был хуже одет, и изо рта которого свисала ледяная сосулька. Видя его таким, сказала Докия: «Йован, сынок, я изнемогаю от холода, а ты играешь на кавале!» Он ей ничего не ответил. Овцы и козы тоже давно замерзли. На девятую ночь замерзла и Баба Докия, застыв на камне, из которого и сегодня течет вода.

* * *

Dochia această a fost o femeie bătrână; ea trăia cu un oarecare Cristian, cioban de oi și de capre. Bătrâna avea o fată de suflet și, fiindcă nu-i era plac, într-o zi, când era gata să plece la biserică, ce se gândi ea ca să găsească un nod în papură, spuse fetii să-i spele două lâni albe până le-o face negre și două lâni

negre, până le-o face albe. Mai luă și două căpețe (oca) de grâu și-l vărsă prin casă risipit, spunându-i fetiței să-l adune bob cu bob, tot grâul, până se întoarce ea de la biserică. Fata, rămânând singură, se gândi, îngrijată, că cum să spele ea lânile, ca pe cele albe să le facă negre și pe cele negre să le facă albe, și cum să adune atât grâu risipit de tirana bătrână? Alt mijloc nu găsi cu înlesnire decât să alerge la o moașă a sa vecină. Această-i spuse să pună în scrobeală albă lânile cele negre și pe cele albe în calaican negru, astfel cele două lânii albe vor deveni negre și cele negre vor deveni albe; iar cât privește adunarea boabelor de grâu, să cheme păsările celurii ca să le adune. Așa și făcu fata. Când veni bătrâna, găsi lucrurile îndeplinite, iar pe primba casei găsi o rămurică verde de iederă și de tămâioară. I se aprinse în suflet dor de munte și de verdeață. Și a luat nouă cojoace pe ea și a plecat cu Cristian cu turma să suie la munte; pe drum însă s-a pus pe fulguit de zăpadă, așa că bătrâna, cu toate cele nouă cojoace, când a ajuns în munte cu Cristian cu tot a înghețat de frig, prefăcându-se în stâncă.

[Speranția 1907, vol. I, ms. 4960, f. 214 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Эта Докия была старой женщиной; она жила с неким Кристианом, пастухом, который пас овец и коз. У старухи была приемная дочь (падчерица?), и, поскольку она ее не любила, в один прекрасный день, когда она (старуха) собиралась идти в церковь, надумала она к чему-нибудь придрачься и сказала девочке, чтобы та мыла две белые шерстинки, пока они не почернеют, и две черные шерстинки, пока они не побелеют. Еще она взяла две оки¹ пшеницы и рассыпала их по дому, сказав девочке собрать по зернышку всю пшеницу, до того как она вернется из церкви. Девочка, оставшись одна, задумалась, обеспокоенная, как же ей отмыть шерстинки, чтобы белые сделать черными, а черные сделать белыми, и как собрать столько пшеницы, рассыпанной тираничной старухой. Другого средства она не нашла, кроме как бежать к старухе-соседке. Та сказала ей опустить черные шерстинки в крахмал, а белые шерстинки в железный купорос, таким образом две белые шерстинки станут черными, а черные станут белыми; а что касается собирания пшеничных зерен — позвать небесных птиц, чтобы собрали их. Так и сделала девочка. Когда пришла старуха, она нашла дела выполненными, а на завалинке дома увидела зеленые веточки плюща и можжевельника. В ее душе вспыхнула тоска по горам и зелени. И надела она девять козухов и отправилась с Кристианом и со стадом в горы; по дороге, однако, повалил снег, так что старуха во всех своих девяти козухах, когда поднялась на гору с Кристианом, заледенела от холода, превратившись в скалу.

¹ Ока (тур.) — мера веса и объема.

Baba Dochia

Baba Dochia, zisă și *Baba cu 9 cojoace...* a fugit la munte de frica dușmanilor care voiau s-o prindă. Și-a luat 9 cojoace, pe care le-a rupt cât a stat la munte. De aceea primele 9 zile din martie se numesc *babele*.

(с. Попешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Н.[И.] Лэстун [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия, называемая также «Баба с девятью кожухами», убежала в горы из страха перед врагами, которые хотели ее захватить. И надела девять кожухов, которые порвала, когда находилась в горах. Из-за этого первые девять дней марта называются *baba* («бабы», «старухи»).

* * *

Se află în munți trupul împietrit al Dochiei, asemenea al oilor ei.

(с. Пленица, жудец Долж, Олтения, Румыния, информант Сп. Филимон, 1894 [Fochi 1976: 23–29])

В горах находится окаменевшее тело Докии, а также ее овец.

* * *

A plecat *Baba Dochia* cu turma de capre la munte, îmbrăcată în 9 cojoace și zicând că ei nu-i pasă vremea re ace poate fi în martie. Însă doar a plecat și vremea rea a-nceput, așa că în 9 zilei s-au udat cele 9 cojoace pe care ea le-a lepădat pe rând până a rămas în cămașă și s-a sleit de ger, împreună cu caprele, tocmai în muntele de unde izvorăște Oltețul. Se vede chiar și astăzi.

(с. Бодешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Штефан Басилеску [Fochi 1976: 23–29])

Ушла Баба Докия со стадом коз в горы, одетая в девять кожухов, говоря, что ее не волнует плохая погода, которая может быть в марте. Однако едва она ушла, как непогода началась. Так что за девять дней у нее промокли девять кожухов, которые она сбрасывала по очереди, пока не осталась в (одной) рубахе и (не) заледенела от мороза вместе с козами прямо на горе, откуда берет начало Олтец. Ее видно даже сегодня.

1.1.5. Мунтения

Baba Dochia

Baba Dochia, încă din luna februarie, cam pe la sfârșit, a trimis pe noru-sa să-I caute prin pădure fragi. Umblând prin pădure, s-a întâlnit cu un moș care era D-zeu și [acesta] a întrebat-o ce caută. Ea i-a răspuns că e trimisă de soacră-sa după fragi și nu poate găsi. Moșul a trimis-o înainte într-o vâlcea și i-a spus că după ce-i va duce babei

acasă fragii, să-i ceară brânză de capră. Nora babei a făcut așa. *Baba Dochia*, ca să facă brânză, a plecat la 1 martie cu caprele la munte să pască mugur. S-a îmbrăcat bine cu 9 cojoace și a plecat. Dar a început să plouă 9 zile mereu. Baba, îngreunându-i-se cojoacele, a lepădat zilnic câte unul, până a rămas în cămașă. Lăsându-se frig, baba și caprele au înghețat. Se crede că au fost transformate în piatră.

(с. Пырлита, жудец Телеорман, Мунтения, Румыния, информант Замфир Барбу, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия еще в феврале месяце, в конце, послала свою невестку искать для нее в лесу землянику. Бродя по лесу, (невестка) встретила старика, который был (на самом деле) Господом Богом, и тот спросил ее, что она ищет. Она ответила, что ее послала свекровь за земляникой, но она не может (ничего) найти. Старик послал ее вперед, в одну маленькую долину, и сказал ей, чтобы она, после того как принесет старухе землянику, попросила у той козьего сыра. Невестка старухи так и сделала. Баба Докия, чтобы приготовить сыр, ушла 1 марта с козами в горы, чтобы они паслись и щипали почки. Одевалась она потеплее, в девять кожухов, и ушла. Но начался дождь, и лил девять дней подряд. Старухины кожухи стали тяжелыми, и она сбрасывала каждый день по одному кожуху, пока не осталась в одной рубашке. Было по-прежнему холодно, старуха и козы замерзли (на смерть). Считается, что они превратились в камень.

Baba Dochia

Baba Dochia a iernat o iarnă la baltă (în marginea Dunării). Noru-sa nu o vedea cu ochi buni pe soacra sa *Dochia* și prin vorbe mincinoase a pornit-o cu caprele la munte. Aici a prins-o ninsoarea și ploile rele. Ea era îmbrăcată cu nouă cojoace, și lăudându-se înaintea lui D-zeu că nu voiște să știe ea despre ploi și ninsori, D-zeu s-a necăjit și a plouat și a nins, până ce baba a lepădat toate cojoacele și, rămânând în cămașă, a murit de ger. Cojoacele le-a lepădat fiind ude, căci nu mai putea să le ducă în spinare, fiind grele.

(с. Крэчуней-де-Жос, жудец Олт, Мунтения, Румыния, информант И. Думитреску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия зимовала одну зиму в плавнях на берегу Дуная. Ее невестка ненавидела свою свекровь Докию и с помощью лживых слов отправила ее с козами в горы. Тут застигли ее (Бабу Докию) снега и злые дожди. Она была одета в девять кожухов и перед тем похвалялась Господу Богу, что не хочет она знать о дождях и снегопадах. Господь Бог разгневался и послал дожди и снегопады, пока баба не сбросила все кожухи и, оставшись в (одной) руба-

хе, умерла от холода. Кожухи она сбросила потому, что они промокли, так что она не могла больше нести их на плечах, так как они были тяжелые.

Baba Dochia

Baba Dochia “a spus că o vrea D-zeu, n-o vrea, ea tot se duce cu caprele și cu oile la munte, ca să facă brânză, și s-a pregătit contra timpului cu nouă cojoace. A mers ce a mers și a început să plouă cu zăpadă și denspre Crivăț, până ce i s-a udat un cojoc și, nedându-i prin gând să întoarcă cojocul pe dos, l-a lepădat fiind ud și greu și tot așa până a rămas cu unul singur. Doar a ajuns în vârful Ceahlăului, și D-zeu, dând ger foarte mare, a înghețat-o cu oi cu tot și astfel din gheață s-a transformat în piatră și se vede până astăzi (stâncile de pe Ceahlău, jud. Neamțu).

(с. Чептура, жудец Прахова, Мунтения, Румыния, информант Ст. Ницеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия сказала, что хочет ли того Господь Бог или нет, (а) она все равно пойдет с козами и овцами в горы, чтобы сделать брынзу, и оделась на случай плохой погоды в девять кожухов. Шла она, шла, и начался дождь со снегом, и... ветер Кривэц, пока у нее не промок кожух, и, поскольку ей не пришлось в голову вывернуть его наизнанку, она сбросила его, потому что он был мокрый и тяжелый; и так (продолжалось), пока она не осталась в одном-единственном (кожухе). Только лишь она добралась до вершины (горы) Чахлэу, как Господь Бог, послав сильный мороз, заморозил ее вместе с овцами, и она превратилась в камень и видна до сего дня (Скалы на Чахлэу, жудец Нямец).

* * *

Nouă babe au plecat cu caprele la munte în martie; din cauza vremii schimbătoare au murit, fiind preschimbate în piatră, caprele în bolovani... la obârșie Râului Doamnei, în Valea Rea.

(с. Беревоешть Унгурень, жудец Мусчел, Мунтения, Румыния, информант П. Дьяконеску, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Девять старух ушли в марте с козами в горы; из-за изменчивой погоды они погибли (и) были превращены в скалы, (а) козы — в валуны у истока реки Доамны, в местности Валя Ря [Valea Rea].

* * *

Se află pietre mari, care au chipuri de capre; o femeie stă lângă aceste capre. Poporul povestește că acolo a înghețat *Baba Dochia*, cu capre cu tot.

(с. Хоморычиу-Извоаре, жудец Прахова, Мунтения, Румыния, информанты (о.) И. Костеску и Дж. Морковеску [Fochi 1976: 23–29])

Имеются большие камни, по виду похожие на коз, женщина стоит около этих коз. Народ рассказывает, что там замерзла Баба Докия с козами вместе.

* * *

Aproape de Vama Buzăului, în valea Urlătoare, este o stâncă numită “La Piatră”. Acolo este chipul de piatră al unei femei, numită *Baba Dochia*, împietrită de D-zeu cu oi cu tot. De acolo izvorăște o apă foarte limpede.

(с. Држана-де-Сус, жудец Прахова, Мунтения, Румыния,
информант Д.(Б.) Василеску,
1894 [Fochi 1976: 23–29])

Недалеко от Вама Бузулуй, в долине Урлэтоаре, есть скала, называемая “La piatră” («На камне»). Там есть изображение женщины, называемой «Баба Докия», которая была обращена Господом Богом в камень (со своими) овцами вместе. Оттуда течет очень прозрачная вода.

* * *

Pe Caraiman sînt două stînci numite *Babe*. “Tradițiunea lor e identică cu a *Babei Dochia*”.

(с. Буштень, жудец Прахова, Мунтения, Румыния,
информант А.М. Михэйлеску
[Fochi 1976: 23–29])

На Караймане есть две скалы, называемые «Бабы» (*Babe*). Предание о них идентично преданию о Бабе Докии.

* * *

Dochia a fost o femeie care a avut nouă capre și, isprăvind nutrețul, a plecat cu ele la munte, cu scop să Marț (martie) e mai prost, nu-i pasă de timpul lui. Marț, ca să-i răzbune, s-a împrumutat de la Faur cu nouă zile și s-a pus pe ploii, pe ninsoare etc.

[Speranția 1907, vol. IV, ms. 4963, B.A.R., f. 177.
Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была женщиной, у которой было девять коз, и, когда у нее закончился корм, она отправилась с ними в горы с намерением (доказать), что Марц (март) глуп, не может перешагнуть через отведенное ему время. Марц, чтобы отомстить ей, позаимствовал у Фаура (февраля) девять дней и послал дожди, снега и т.д.

[Speranția 1907, vol. V, ms. 4964, f. 249 v.
Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

* * *

Dochia și acuma este în munți. Nu se știe de e vie sau de o fi murit, că nimeni n-a dat peste ea. Cică se pitește de oameni. În mână are un toiag de corn, în care se sprijină să nu alunece.

[Speranția 1907, vol. V, ms. 4964, f. 249 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия сейчас находится в горах. Неизвестно, жива она или, может быть, умерла, потому что никто не встречал ее. Она будто бы прячется от людей. В руке у нее посох из рога, на который она опирается, чтобы не поскользнуться.

* * *

Baba Dochia ... care s-a prefăcut în piatră dimpreună cu caprele sale.

(с. Чакрыу, жудец Брэила, Мунтения, Румыния, информант П. Мик(х)эеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия, которая превратилась в камень вместе со своими козами.

* * *

Baba Dochia a plecat cu caprele la munte și avea 9 cojoace, pe fiecare zi lepăda câte 1 cojoc.

(с. Герасень, жудец Бузэу, Мунтения, информант И.К. Гомоеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия ушла с козами в горы, и у нее было девять кожухов; каждый день она сбрасывала по одному кожуху.

* * *

Se mai numește și *Baba Marta*, cea cu nouă cojoace. Leapădă zilnic câte unul. De la 9 martie, când a lepădat ultimul, începe și vremea a se încălzi.

(с. Грынджень, жудец Телеорман, Мунтения, Румыния, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Еще ее называют Баба Марта с девятью кожухами. Она сбрасывает каждый день по одному кожуху. С 9 марта, когда она сбросила последний, погода начинает становиться более теплой.

1.1.6. Добруджа

Baba Dochia

Baba Dochia a fost o femeie bătrână, care se îmbrăca iarna cu nouă cojoace. Mai în urmă, ea s-a făcut la munți păstoriță de oi, a stat la munți mai multă vreme

și pe urmă s-a întâmplat o lapoviță mare, adică ploaie amestecată cu zăpadă. Din cauza acestui timp rău, a murit împreună cu toate oițele, iar ea s-a prefăcut în stâncă de piatră din care curge apă.

(с. Кусгун, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Ал. Ромила [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия была старой женщиной, которая зимой одевалась в девять кожных. Она была пастушкой овец, провела в горах долгое время, и в конце концов началась большая метель, дождь со снегом. Из-за непогоды она погибла вместе с овцами и превратилась в каменную скалу, из которой течет вода.

Baba Dochia

Baba Dochia, despre care se zice că a pornit cu caprele la munte, spunând cuvintele următoare: «Doi, bălăușă, doi, unul pentru prăsilă, altul pentru hrană». *Baba Dochia* avea o capră care făcea câte doi iezii.

(с. Гырличуи, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Пэун Дрэгэнеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия, о которой рассказывают, что она пошла с козами в горы, говоря следующие слова: «Двух, белянка, двух, одного для приплода (потомства, породы), другого для еды». У бабы Докии была коза, которая приносила (каждый раз) двух козлят.

Baba Dochia

Fără să țină cont de vremea rea, ea a pornit la munte cu caprele, îmbrăcată în nouă cojoace. A început să plouă și i-a udat cojocul; ea l-a lepădat și așa mereu până a lepădat și pe cel de al nouălea. Dând apoi un ger mare, a înghețat. S-a preschimbă în piatră cu caprele sale.

(с. Гроапа-Чобану, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Г. Константинеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Не обращая внимания на плохую погоду, она отправилась в горы с козами, одетая в девять кожных. Начался дождь и промочил ей кожих, она сбросила его, и так все время, пока не сбросила и девятый. Потом ударил большой мороз, она замерзла. Она превратилась в камень (вместе) со своими козами.

* * *

Dochia a plecat cu oile să facă stână fără voia lui Dumnezeu.

(Юго-восточная Румыния [Speranția 1907, vol. VI, ms. 4965, f. 114.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133])

Докия ушла с овцами на пастбище против воли Бога.

1.1.7. Молдова

Baba Dochia

Se zice despre *Baba Dochia* că ar fi trimis pe noră-sa la fragi în luna lui Faur. D-zeu i-a pus fragii în oală și, ducându-se cu ei acasă, *Dochia* a crezut că e vară și luând caprele s-a dus la munte, dar a înghețat cu 12 cojoace pe ea.

(с. Валя-Ря, жудец Бакэу, Молдова, Румыния, информант К. Агапи, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Говорится о Бабе Докии, что она будто бы послала свою невестку за земляничкой в феврале месяце (*luna lui făurar*). Господь Бог положил ей землянику в горшок, и когда она пришла с земляничкой домой, Докия решила, что (настало) лето, и, взяв коз, погнала их в горы, но замерзла в двенадцати кожухах, (которые были) на ней.

* * *

În muntele Ceahlău (Pionul) se află o piatră în formă de om și pe care oamenii o numesc *Dochia*.

(с. Гура-Хангу, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Г. Леонеску [Fochi 1976: 23–29])

На горе Чахлэу (Пион) находится камень в форме человека, который люди называют Докией.

* * *

Dochia a fost fata lui Decebal. “Pe vârful munților e o babă de piatră numită *Dochia*”... “Dacă ninge de la 1–9 martie, se zice că *Baba Dochia* își scutură cojoacele, fiind îmbrăcată cu nouă cojoace”. Femeile serbează *Dochia* la 1 martie.

(с. Думитрешть, жудец Вранча, Молдова, Румыния, информант И. Думитреску, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Докия была дочерью Децебала. Высоко в горах есть каменная баба, называемая «Докия»... «...Если идет снег 1–9 марта, говорится, что Баба Докия вытряхивает свои кожухи, будучи одета в девять кожухов». Женщины празднуют Докию 1 марта.

* * *

Femeile în [la] 1 martie *Baba Dochia*, în amintirea babei care a pierit de ploii cu gheață și ninsoare, ce au apucat-o în munți, păscând oile și caprele. A fost prefăcută în piatră cu vitele împrejur... În această zi, femeile poartă legate la gât monede găurite, pentru a avea noroc la rodirea câmpului și a nu se pârli de soare. Monedele se numesc *mărțișor*.

(с. Танаку, жудец Васлуй, Молдова, Румыния, информант Михай Стратуля, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Женщины соблюдают 1 марта (день) Бабы Докии в память о старухе, которая погибла от метели с дождем и градом, застигнувшей ее в горах, где она пасла овец и коз. Она была превращена в камень (вместе) с животными вокруг нее. ...В этот день женщины носят, повязав на шею, монеты с отверстиями, чтобы собрать хороший урожай с полей и чтобы не обгорать на солнце. Монеты (!) называются *mărțișor* («мэрцишор»).

* * *

Baba Dochia a purces cu caprele să le pască prin munți și fiindcă ningeа și cojocul cel deasupra era plin de omăt și apă, îl lepădă în ziua întâi, а doua zi lepădă pe al doilea și tot așa а lepădat în fiecare zi câte un cojoc, și așa în 12 zile nu а nins, și ea, lepădând în ziua а 12-а și pe cel din urmă cojoc și iarna nesfârșindu-se, baba îngheță în munții Ceahlăului cu capre cu tot. Și fiindcă ea era sfântă, din nașterea ei curge apă limpede ca argintul, rece și bună de băut, și caprele stau înghețate împrejurul ei. Se vede și acuma aidoma.

(с. Докань, жудец Васлуй, Молдова, Румыния, информант И. Корчовэ [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия отправилась с козами (в горы), чтобы пасти их там, и поскольку шел снег и (ее) верхний кожух был полон снега и воды, она сбросила его в первый (же) день, на другой день сбросила второй, и так она сбрасывала каждый день по одному кожуху, и двенадцать дней снегопад не прекращался, и она сбросила на двенадцатый день последний кожух, а зима не кончалась, (и) старуха замерзла в горах Чахлэу с козами вместе. И поскольку она была святая (!), с возникновения ее (как каменной глыбы. — *Н. Г.*) течет вода, чистая, как серебро, холодная и пригодная для питья, и застывшие козы стоят вокруг нее. (Их) ясно видно и сейчас.

* * *

Dochia păzește oile lui Dumnezeu la munte, îmbrăcată cu douăsprezece cojoase.

[Speranția 1907, vol. VIII, ms. 4967, f. 100 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия стережет овец Господа Бога в горах, одетая в двенадцать кожухов.

* * *

Dochia era foarte bună, făcea mult bine — dădea brânză, lapte, lână la cei nevoiași.

[Speranția 1907, vol. VII, ms. 4966, f. 142 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была очень доброй, делала много хорошего — давала брынзу, молоко, шерсть нуждающимся.

* * *

Dochia a fost o babă bătrână și bună de Dumnezeu și când au vrut s-o prindă păgânii, ea s-a rugat Sf. Spiridon și, cu ajutorul lui Dumnezeu, ea împreună cu turma de oi s-a prefăcut în stânci de piatră și astfel a scăpat de păgâni.

[Speranția 1907, vol. VIII, ms. 4967, f. 77.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была старой старухой, преданной Господу, и когда ее хотели захватить язычники, она помолилась св. Спиридону и с божьей помощью превратилась вместе со стадом овец в каменные скалы и так спаслась от язычников.

* * *

Dochia e o babă îmbrăcată cu douăsprezece cojoace, umblă prin păduri strigând în gura mare că îi este frig și tremură cum îi vargă.

[Speranția 1907, vol. VII, ms. 4966, f. 105 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия — это старуха, одетая в двенадцать кожухов, она ходит по лесам, громко крича, что ей холодно, и дрожит как осиновый лист.

* * *

E o babă bătrână, șade în munți și are 12 cojoace.

(с. Унгурень Цигэнешть, жудец Галац, Молдова, Румыния, информант К. Декусарэ, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Это старая баба, она сидит в горах, и у нее двенадцать кожухов.

* * *

Are 12 cojoace pe care și le scutură în 12 zile, câte unul pe zi.

(с. Бэдень, жудец Яссы, Молдова, Румыния, информант Ст.(Х.) Велишку, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У нее двенадцать кожухов, которые она вытряхивает в (течение) двенадцати дней, по одному в день.

* * *

Baba Dochia are 12 sojoase, learădă în fiecare zi câte unul, desprimăvărându-se.

(с. Джюрджень, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Конст. Н. Белою, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У Бабы Докии двенадцать кожухов, она сбрасывает каждый день по одному, начиная весну.

* * *

Își scutură sojoacele.

(с. Шендрень, жудец Галац, Молдова, Румыния, информант Дж. Ал. Мурджану; с. Адынката, Северная Буковина, р-н Адынката Черновицкой обл. Украины (в прошлом — жудец Дорохой), информант — священник Дж. Мэрджиняну, 1896; с. Силиштя, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Д. Ромынеску, 1896; с. Ускаций, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант И. Думбравэ, 1896; с. Бэтрынешть, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Д. Руджинэ, 1896; с. Кристешть, жудец Сучава, Южная Буковина, Румыния, информант Дж. Вьерме, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Она вытряхивает свои кожухи.

* * *

1–12 martie, zilele *Dochiei*, 6 bune și 6 rele; dacă primele sînt bune, ultimele sînt rele, sau viceversa. Dacă ninge în aceste zile, se zice că “baba își scutură sojoacele”.

(с. Плопана, жудец Галац, Молдова, Румыния, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

1–12 марта — дни Докии, шесть хороших и шесть плохих; если первые — хорошие, то последние — плохие, или наоборот. Если идет снег в эти дни, то говорят: «Баба вытряхивает свои кожухи».

Текст, отдаленно напоминающий легенду о мартовской старухе, происходящий из местности, где эта легенда весьма распространена и, вероятно, поэтому включенный Адрианом Фоки в перечень текстов об этом персонаже:

“Pe Ceahlău e o grupă de stânci ce seamănă cu o turmă de oi și un păstor...”
 “Un cioban avea o turmă; o oaie i se îmbolnăvește și el a sângerat-o. Un vultur a răpit-o și ea a căzut într-o prăpastie. Celelalte oi s-au aruncat și ele în acea prăpastie, iar ciobanul după ele. Toți s-au prefăcut în stâncile ce se văd”.

(с. Бухалница, жудец Нямец, Молдова, Румыния, информант Дж. Кэдеря [Fochi 1976: 23–29])

«На Чахлэу есть группа скал, которая напоминает стадо овец с пастухом...» «У одного чабана было стадо; одна овца заболела, и он сделал ей кровопускание. Орел схватил ее, и она упала в пропасть. Другие овцы тоже бросились в эту пропасть, и чабан за ними. Все они превратились в скалы, которые видны до сих пор».

1.1.8. Буковина

Baba Dochia cu 12 cojoace, care umblă cu oile la păscut iarna.

(с. Хавырна, жудец Ботошань, Румыния, информант о. И.М. Штефэнеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия с двенадцатью кожухами, которая шла с овцами на пастбище зимой.

* * *

Are 12 cojoace, le scutură la sfârșitul lui februarie și șase zile la începutul lui martie, aducând viscolituri, deoarece a fost fugărită de un împărat vechi, Troian. De aceea îi face și ea «troiene», spre a nu mai fi găsită.

(с. Адынката, р-н Адынката Черновицкой обл. Украины (в прошлоим — жудец Дорохой), информант — священник Дж. Мэрджиняну, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У нее двенадцать кожухов, она их вытряхивает в конце февраля и шесть дней в начале марта, вызывая метели, потому что ее преследовал один древний император, Троян. Из-за этого она и делает сугробы¹, чтобы ее не нашли.

* * *

“Se află în munții din acest județ” “...unii zic că-s oile Dochiei, fiica lui Decebal, iar alții spun că-s oile unei domnițe mult mai dincoace”.

(с. Кристешть, жудец Сучава, Буковина, Румыния, имя информанта не расшифровано, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

¹ Игра слов: имя императора (Траян, здесь — Троян) созвучно со словом *troiene* — «сугробы».

«...(Камни) находятся в горах этого жудеца». «Одни говорят, что это овцы Докии, дочери Децебала, а другие — что это овцы одной домницы (княжны) из гораздо более близкого (времени?)».

* * *

Dochia s-a pus rămăşag cu Mart că nu are frică de el, şi-a luat douăsprezece cojoace, dar Mart pe toate le-a rupt, şi a rupt-o şi pe dânsa, de curge amu apă din ea.

[Niculiţă-Voronca 2008, 2: 117]

Докия побилась об заклад с Мартом, что не боится его, и надела двенадцать кожухов, но Март их все разорвал, а потом разорвал и ее саму, так что из нее теперь течет вода.

* * *

Dochia are 12 cojoace, şase rele [ceea ce reprezintă şase] zile furtunoase şi friguroase şi şase bune, [decî] zile frumoase.

(с. Джюлешть-Дрэгэнешть, жудец Сучава, Румыния, информант В.В. Иримеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У Докии двенадцать кожухов, шесть плохих — [те, что представляют собой шесть] ненастных и морозных дней, и шесть хороших, [то есть] хороших дней.

Baba Dochia şi broasca

Când Dochia s-a dus în munţi cu oile, a găsit o broască. A blăgoslovit-o să nu facă viermi şi oamenii să bea apa în care se găesc broaşte. De aceea nu face broasca viermi, când moare.

(с. Кургешть, жудец Ботошань, Румыния [Brill 2005: 343; Niculiţă-Voronca 2008, 2: 116–118])

Баба Докия и лягушка

Когда Докия отправилась в горы с овцами, она нашла лягушку. Она благословила ее, чтобы в ней не заводились черви и чтобы люди пили воду, в которой найдут лягушек. Поэтому в теле лягушки не заводятся черви, когда она умирает.

1.1.9. Нелокализованные румынские тексты

Baba Dochia

Despre Baba Dochia se spune, că era cea mai rea babă dintre toate babele rele, pe care le-a purtat pământul. Aşa de rea era, încât şi copiii ei, care, cum

creștea, fugea unde-i vedea ochii, numai să scape de răutățile și de gura ei. Numai un singur băiat, cel mai răbdător, poate pentru că era cam puțintel la minte, i-a fost rămas dintre toți copiii. Dragomir, așa îl chema pe băiat, avea o nevastă foarte harnică, dar pentru că el era tot dus cu oile, biata nevastă multe neajunsuri avea de suferit de la zgrițuroaică de Baba Dochia. Nu-i lăsa pic de odihnă și toată ziua era cu gura pe ea. Ba, de la o vreme îi puse gând rău și vroia cu tot dinadinsul să se scape de ea. Așa, o trimise într-o zi la râu cu o desagă cu lână albă s-o spele, până s-o înnegri, că altfel o ia de păr și o răpede până-n șes de se alege praful din ea. Femeia cătrănită se duse la râu și o spală 3 zile și lână tot nu se mai înnegrea. Știa doar baba de ce-o trimisese, așa că acum credea că a scăpat de noră-sa. Dar, a treia zi, se se trezește biata femeie, care acum nici nu mai vedea bine de atâta plans și nesomn, cu 2 oameni bătrâni, care nu erau alții decât Dumnezeu și Sf[ântul] Petru, cărora li se făcuse milă de câte îndura biata femeie și înnegrindu-i lână, o trimiseră acasă. Baba, când o văzu, se uită chindorăș, și la ea și la lână, dar nu zise nimic. După o vreme iar o trimise la râu, dar de data asta să înălbească niște lână neagră. Munci biata femeie iar trei zile, dar lână pas să se înălbească.

Către seară iar veniră Dumnezeu cu Sf[ântul] Petru, dar acum nu-i mai înălbură lână, ci-i deteră o chită de flori de fragi s-o ducă babei.

Baba când văzu florile de fragi, uită de lână și de tot și strigând pe Dragomir, îi zise:

— Dragomire, fragile au înflorit și noi încă n-am măsurat oile. Hai sus la munte, să le măsurăm. Și grăbită și furtunoasă cum îi era firea, Baba Dochia plecă așa cum era îmbrăcată, atunci, cu 9 cojoace pe ea și cu Dragomir cu oile după ea. Afară se-ncălzise bine și, cum mergea repede și urca la deal, se încălzi baba, de începu se lepede la cojoace, până ce ajungând sus pe munte, rămăsese numai în cămeșoi și poalele. Dădu însă Dumnezeu repede o viforniță cu zloată și îngeț, de îngețară și se-mpetriră și Baba și oile și Dragomir. Și de atunci, de ziua Dochiei, care i-a 9 babă, vine o viforniță și un frig, ca-n dricul iernei, și vai ș-amar de cel ce se-ncrede în căldura zilelor precedente. Iar pentru ținere de minte și până astăzi, stau în vârful munților stâncile, pe care poporul le numește Baba Dochia cu oile ei.

[Olinescu 2003: 259–260]

Баба Докия

О Бабе Докии говорят, что она была самой злой старухой из всех злых старух, которых когда-либо носила земля. До того злая она была, что даже ее дети, как только выросли, убежали куда глаза глядят, только бы избавиться от ее гадостей и ее злого языка. Только один сын, самый терпеливый (возможно, потому что он был глуповат), остался с ней. У Драгомира, так звали парня, была жена, очень трудолюбивая, но, поскольку он почти все время находился при овцах, бедной молодежи пришлось вынести много не-

приятностей от старой мегеры Бабы Докии. Она ни на минуту не оставляла ее в покое и все время ее ругала. И вот однажды она (Баба Докия) замыслила недоброе и захотела во что бы то ни стало избавиться от нее (невестки). В один прекрасный день она (Баба Докия) послала ее (невестку) на реку с переметной сумкой, полной белой шерсти, (велев) мыть ее (шерсть), пока она не почернеет, (и сказав), что иначе возьмет ее (невестку) за волосы и потащит ее по равнине, чтобы развеять ее в пух и прах. С тяжелым сердцем женщина пошла на реку и три дня мыла шерсть, а шерсть все не чернела. Знала старуха, куда (за чем) ее посылала, и теперь радовалась, что избавилась от своей невестки. Но на третий день проснулась бедная женщина, которая уже почти ничего не видела из-за слез и бессонницы, и увидела двух старцев, которые были не кто иные, как Господь Бог и святой Петр, которым стало жаль бедную женщину, которая столько вытерпела, и они, сделав шерсть черной, отправили ее домой. Старуха, когда увидела ее, взглянула искоса и на нее, и на шерсть, но ничего не сказала. Через некоторое время она (Баба Докия) опять послала ее (невестку) на реку, на этот раз белить черную шерсть. Снова мучилась бедная женщина три дня, но шерсть ничуть не побелела.

Под вечер снова пришли Господь Бог со святым Петром, но на этот раз они не стали белить шерсть, а дали ей (молодице) букетик цветов земляники, чтобы она отнесла их старухе.

Старуха, когда увидела цветы земляники, забыла и о шерсти, и обо всем на свете, кликнула Драгомира и сказала ему:

— Драгомир, земляника зацвела, а мы еще не взвешивали овец. Идем скорее в горы, взвесим их. И торопливо и стремительно, как это было ей свойственно, Баба Докия отправилась в путь как была в девяти кожихах, а за ней Драгомир и овцы. Потеплело; и поскольку старуха шла быстро и поднималась в гору, она стала сбрасывать кожиху, пока, достигнув вершины горы, не осталась в одной рубашке. В это время послал Бог дождь со снегом, метель и стужу, заморозив и превратив в камень и Бабу Докию, и овец, и Драгомира. И с тех пор со дня Докии, который является девятой «бабой», приходит метель и мороз, как в разгар зимы, и горе тому, кто поверит обманчивому теплу предшествующих дней. А чтобы помнили об этом до сего дня, стоят на вершине гор скалы, которые в народе называют «Баба Докия с овцами».

* * *

Baba Dochia, umblând cu oile prin pădure, torcea lână din furcă și, găsind o para, i-a făcut bortă, legând-o cu un fir de ață. Asta a fost 1 martie și de atunci s-a lăfit obiceiul.

[Fochi 1976: 23–29]

Баба Докия, идя с овцами через лес, пряла шерсть на прялке и, найдя мелкую монету, проделала в ней отверстие и продела сквозь него нить. Это было 1 марта, и с тех пор этот обычай распространился.

* * *

Zice că Dochia a fost o fată foarte frumoasă și arătoasă. Murindu-i părinții când era mică, o luă și o ținea moșul său de suflet. Iar moșul său era un om foarte bogat; avea de toate câte le căutai și pe deasupra mai avea încă și o turmă de oi. Și Dochia n-avea alta de lucru, ci de-a căuta de turma cea de oi a moșului său. De aceea și păștea ea oile și le păzea ca și ochii din cap. Într-un an, cum se apropie luna lui mart, își luă Dochia, ca în toți anii, oile, și se duse cu dânsele la munte, ca să le pască. Dar, fiind de astă dată foarte frig, se îmbracă mai întâi în douăsprezece cojoace, și apoi se porni cu oile la păscătoare. Iată însă că, mergând ea cale mai îndelungată, a început de la 1 marte a se face vreme frumoasă și a se încălzi. Văzând Dochia că se încălzește și, făcându-se din zi în zi tot mai cald și neputând a duce toate cojoacele în spate, a început a le lepăda și așa lepăda ea în fiecare zi câte un cojoc, până ce rămase dezbrăcată. Dar n-a apucat ea bine a lepăda pe al doisprezecelea cojoc, și începu iarăși a se face frig. Dochia, fiindcă apucase a merge o bucată bună de loc și a se depărta hăt binișor de cojoacele aruncate, nu avu acum cu ce se îmbracă. Gerul devenind din ce în ce mai cumplit, de aceea ea îngheță, dimpreună cu toată turma.

[Marian 1994: 282]

Говорят, что Докия была красивой и видной девушкой. Ее родители умерли, когда она была маленькой, и один старый человек взял ее к себе и растил как внучку. Приемный дед Докии был человеком очень богатым, у него было все что душе угодно, и сверх того еще стадо овец. И у Докии не было другого дела, кроме как смотреть за стадом овец своего деда. Поэтому она пасла овец и берегла их как зеницу ока. Однажды, когда приближался март месяц, Докия, как и каждый год, отправилась с овцами в горы, чтобы там пасти их. Но, поскольку на сей раз стояла очень холодная погода, она надела двенадцать кожухов, и затем отправилась с овцами на пастбище. Однако дорога ее была неблизкой и, начиная с 1 марта, погода стала ясной и потеплело. Докия увидела, что теплеет и, поскольку день ото дня становилось все теплее, а она не могла нести на себе все кожухи, она начала их сбрасывать, и сбрасывала по одному кожуху в день, пока не осталась раздетой. Но не успела она сбросить двенадцатый кожух, как снова начался мороз. Докии, поскольку она уже прошла большое расстояние от сброшенных кожухов, не во что было одеться. Мороз становился все более жестоким, поэтому она замерзла вместе со всем стадом.

* * *

Sunt două babe, care umblă totdeauna cu câte un Făt-Frumos alături, și anume Baba Dochia și Baba Paraschiva, Baba Dochia cu Sân-Toader, iar Baba Paraschiva cu Sâ-Medru. Amândoi feți-frumoși aceștia cu câte șapte (nouă, doisprezece) cai. Lumea e cuprinsă și ferecată cu două lanțuri: lanțul lui Sân-Petru și lanțul lui Sânt-Ion. Când vine Sân-Toader cu caii săi, sparge lanțul lui Sân-Petru, își face drum și intră primăvara, și nemijlocit vine după dânsul și baba Dochia, cu zile urâte și ploioase. Când vine Sâ-Medru cu caii săi, sparge lanțul lui Sânt-Ion și intra iarna, și nemijlocit după dânsă vine și Baba Paraschiva.

[Marian 1994: 239]

Есть две старухи, которые ходят каждая с добрым молодцем (*Făt-Frumos*) рядом, а именно Баба Докия и Баба Параскива; Баба Докия со св. Тоадером (*Sân-Toader*), а Баба Параскива со св. Думитру (*Sâ-Medru*). У обоих добрых молодцев по семь (девять, двенадцать) коней. Мир опоясан и окован двумя цепями — цепью св. Петра (*Sân-Petru*) и цепью св. Иоанна (*Sânt-Ion*). Когда приходит св. Тоадер со своими конями, он рвет цепь св. Петра, освобождает путь и наступает весна, а непосредственно после него (св. Тоадера) приходит и Баба Докия с непогожими и дождливыми днями. Когда приходит св. Думитру (*Sâ-Medru*) со своими конями, он рвет цепь св. Иоанна, и наступает зима, а непосредственно за ней идет и Баба Параскива.

* * *

Soarele e pus de Dumnezeu să lumineze pământul, dar el, îngrozit de răutățile câte le vede pe pământ, și sătul de același drum veșnic, întruna vrea să fugă și să scape de vederea pământului. De aceea Dumnezeu a pus străjer la miazănoapte pe Sf. Nicolae și la miazăzi pe Sf. Toader, ca să ție calea soarelui și să-l abată din cale. Primăvara ajunge Soarele în fuga lui pe Sân-Toader și atunci ia cu el nouă babe rele și aduce ploi și ninsori și prăpădenie de vreme rea, că doară-doară va scăpa nevăzită de Sân-Toader pe-o vreme ca aceea. Și mai-mai să-l scape Sân-Toader, căci Soarele apucă să fugă înainte; dar Sân-Toader cu nouă cai ai săi se ia după Soare și-l fugărește, și aleargă să-l prindă. Și are Soarele nouă cai la teleaga lui, și atunci ia nouă babe rele și încalecă pe fiecare cal câte o babă, ca să bată caii și să-i gonească până să le iasă sufletul, ca astfel să scape cu fugă de Sân-Toader. Dar Sân-Toader aleargă după soare și, ca să-l prindă, își ia și el nouă cai și încalecă pe fiecare cal câte un moș, care a îmbătrânit mănând caii și știe rânduiala frânelor. Și tot pământul și toată firea stă amorțită opt zile de la plecarea lui Sân-Toader, că opt cai cu opt moși nu pot da de veste-încotro a apucat Soarele. Dar Alexă, moșul cel de-al nouălea, apucă tocmai pe drumul pe care a apucat Soarele și-l zărește. Și acum toți moșii fug împreună după Soare. Și în ziua această se dezmoțește firea și ies toate găngăniile pământului la iveală, și șerpii,

și broaștele, și tot ce-a dormit peste iarnă. Și fugе după soare treisprezece săptămâni, și abia-l ajunge colo departe-departе spre miazăzi. Și cum îl ajunge, îl întoarce de la miazăzi spre răsărit. Și se întoarce Soarele și merge-merge către răsărit, dar când ajunge la locul lui cel orânduit de Dumnezeu nu se astâmpără, ci fugе înainte spre miazănoapte, că doară va putea fugi pe cealaltă parte. Și atunci îi iese în cale Sân-Nicoară și-l prinde și-l trimite îndărăt. Dar odată și odată tot o să scape el de păzitorii lui; dacă nu de Sân-Toader, dar de Sân-Nocoară tot o să scape, că Sân-Toader e tânăr și are cai, dar Sân-Nicoară n-are cai și e bătrân.

[Marian 1994: 239–240]

Солнце поставлено Богом освещать землю, но оно, испуганное злом, которого так много видит на земле, и утомленное своей вечной дорогой, постоянно хочет убежать подальше от земли. Поэтому Господь поставил сторожем на северной стороне св. Николая (*Sf. Nicolae*), а на южной — св. Тоадера (*Sf. Toader*), чтобы они стерегли дорогу Солнца и [не давали ему] сбиться с пути. Весной достигает Солнце в своем беге св. Тоадера (*Sân-Toader*), и тогда оно берет с собой девять злых старух и привозит дожди, снега и ужасную погоду, только бы удалось ему ускользнуть незамеченным от св. Тоадера по такой погоде. И вот уже св. Тоадер отпускает его, ведь Солнце раньше пускается бежать; но св. Тоадер со своими девятью конями бросается за солнцем и настигает его, и торопится его поймать. И есть у Солнца девять коней, запряженных в его телегу, и тогда берет оно девять злых старух и сажает на каждого коня по старухе, чтобы они били коней и гнали их что есть духу, чтобы таким образом убежать от св. Тоадера. Но св. Тоадер гонится за солнцем, и чтобы поймать его, и он сажает на каждого коня по старцу, состарившемуся управляя конями и знающему, как держать поводья (букв. «порядок поводьев»). И вся земля, и все живое является замершим восемь дней после отъезда св. Тоадера, потому что восемь коней с восемью старцами не могут дать знать, куда отправилось Солнце. Но Алекса (*Alexă*), девятый старец, выбрал именно ту дорогу, по которой пустилось Солнце, и увидел его. И теперь все старцы вместе гонятся за Солнцем. И в этот день отмирает все живое, и все букашки выбираются из земли наружу, и змеи, и лягушки, и все, кто спал в течение зимы. И гонятся они за солнцем тринадцать недель, и едва настигают его далеко-далеко на юге. И когда догоняют его, то поворачивают с юга к востоку, но когда достигает оно (Солнце) места, определенного для него Богом, оно не успокаивается, а бежит вперед, на север — может, удастся ему убежать с другой стороны. И тогда навстречу ему выходит св. Николае (*Sân-Nicoară*) и ловит его и отправляет обратно. Но однажды оно все равно убежит от своих сторожей, если не от св. Тоадера, то от св. Николая, потому что св. Тоадер молод и у него есть кони, а у св. Николая коней нет, и он стар.

1.1.10. Арумынские варианты

Să-aspuni că ăară nă mōași țe pișteă ieđi și ma viđu, că ăasi Marđul, — hăraăă mari; că ascipă di ăarnă, – se arīsi și đisi:

— Pîrți-Marđu!

Cu alti zbōari: nu nī-u zorăa di arăūlu Marđu, că intrái cu iedlii tu April.

Atumțea Marđul s-tōarnă și si-mprumută dōaăă đili di la Flivar (Șcurtu) și u ngliațā mōașa țea cu ieđi cu tut.

Ea zbōarili țe đisi mōașa a Mărđulului și Marđul a Șcúrtului.

Moașa:

— Marđu

Carđu

Iedlii līi scoșu

Cu perlu aroșu

Pîrți-Marđu!

Marđul:

— Șcurtu, Șcurtu cad la tini

Tră dōaăă virvirōasi đili!

După țe si mprumută cu dōaăă đili, s-tōarnă și-lī đīți ali mōași:

— Mōașe, mōașe, aștěaptă tini,

Stumbu, stumbu valahīi-nēi

Tu cunachīi-nēi!

[Marian 1994: 192–193]

Говорят, что была когда-то старуха, которая пасла козлят и которая, когда увидела, что Март прошел, обрадовавшись, что спаслась от зимы, обманулась и сказала:

— Март-пердун!

Другими словами: «Меня не волнует злой Март, потому что я дождала с козлятами до Апреля».

Тогда Март вернулся и занял два дня у Февраля и заморозил старуху вместе с ее козлятами.

Вот слова, которые старуха сказала Марту и те, что Март сказал Февралю.

Старуха:

— Март,

Карт,

Я спасла козлят

С красной шерстью,

Март-пердун!

Март:

— Февраль, Февраль,

Прошу у тебя два ненастных дня.

После того как Март занял два дня, он вернулся и сказал старухе:

— Старуха, старуха, слушай,

Я сотру тебя в порошок, моя валашка,

В моих владениях!

* * *

— Ascîpă`m di ěarna grěaăă,
Děadi bunlu Dumniĉăă,
Di furtunĭ amăr di něaăă
Și di Șcurtul ațel arăă.
Cîși, cîși ĩeđlii a něi!..
Vine Marțul, nă avěm frică,
— Dîse mōașa cĭtră ĩeđi —
Că putěarěa ĩ-ěaste niĉă,
Cĭt di laăă ș-arăă să-l veđi,
Cîș, cîș ĩeđli a něi!..
Avđi Marțul di s-niiri,
Și pri Șcurtul el clĭimă:
— O, laĭ frate, avđi și țe-nĭ gri,
Mōașa cum ni blistimă?
Ah, țĭ giur și ti sprigiur,
Dăăă đili s-nĭi mprumúți,
Z-daă nă něaăă cĭt un mur,
Ca s-u nglieț u ĩeđlii tuți.
Niurară munți ș-văliuri,
Lăi Cudrugħionlu tot!
Di furtună pritu căliuri,
Sindiliile brađlii scot.
Și turbatlu trapsi vimtu
Di nglĭiță mōașa cu ĩeđi,
Ca pĭn ș-astăđi La Murmintu,
Chĭatră n-Cudrugħion u veđi!

— Спаслась я от лютой зимы
Благодаря доброму Богу,
От бурь, от снега
И от злого Февраля.
Сюда, сюда, мои козлятушки!..
Идет Март, мы не боимся,
— Сказала старуха козлятам, —
Ведь сила его мала,
Каким бы мрачным и злым он ни казался,
Сюда, сюда, мои козлятушки!..
Услышал это Март, рассердился
И обратился к Февралю:
— Эй, братец, слышишь, что мне говорят,
Как меня ругает старуха?
Ах, я клянусь и заклинаю тебя,
Если ты одолжишь мне два дня,
Я нашлю снег стеной
И заморожу ее вместе с козлятами.
Затянулись тучами горы и долины,
Почернел весь Кодругион
От бурь на дорогах,
Страшный ветер выворачивал с корнем ели.
И яростный ветер дул,
Пока не заморозил старуху с козлятами.
И до сего дня на Могиле
Виден камень на Кодругионе!

[Marian 1994: 193]

* * *

În localitatea Cutra din Tesalia, nu departe de satul Zaren, unde se coboră păstorii tómnă de staă până după Pasce, se află o stăncă sterilă, care, privită de pe câmpie, pare a înfățișa o babă înconjurată de mai multe oi. În vremile acelea întăile trei lunĭ ale anuluĭ se urmaă într'o ordine deosebită de cea de astăđi:

Ianuarie, Martie, Februarie. Trecând odinioară ultima ți de Martie, o babă se duse spre sérá și bajocori pe Martie, că nu ı-a făcut nimic cu tóte amenințările sale. Martie, ca s'ó pedepsescă, rugă pe frate-sěu Februarie să-i mai dea două țile. Acesta ıi îngădui cererea și-l puse îndată după dınsul. Atunci Martie ridică furtună și lipi pe baba cu oı de stânce, ce se vede și astăzi.

(текст приводится на румынском языке [Șăineanu 1896: 1–45])

В селении Кутра, в Фессалии, недалеко от села Зарен, где собираются пастухи осенью, чтобы остаться там до дней, следующих за Пасхой, находится бесплодная скала, которая, если смотреть на нее из степи, напоминает старуху, окруженную множеством овец. В те времена первые три месяца года следовали друг за другом в порядке, отличном от сегодняшнего: Январь, Март и Февраль. Однажды, в последний день марта, одна старуха вечером начала подшучивать над Мартом, что он не сделал ей ничего, несмотря на все свои угрозы. Март, чтобы наказать ее, попросил своего брата, Февраля, дать ему еще два дня. Тот выполнил его просьбу и поставил его сразу за собой. Тогда Март устроил бурю и приморозил старуху вместе с овцами к скале, что видно и сейчас.

* * *

O babă, plictisită de o érnă lungă, ajunse la sfırșizul lui Ianuarie. Amăgită de 1 Martie, baba 'și mână eđii la muntele Codruglionului, desfıdend pe Martie că n'ar putea să-i mai strice. Atunci Martie rugă pe Februarie, care era de 30 de țile, să-ı împrumute lui două. Baba, surprinsă de viscole și de omeđi, încreneni cu eđii cu tot într'ó stâncă, înconjurată de alte mai micı. Iar Februarie, care rămase numai de 28 de țile, se numi de atuncea *Scurtul*.

(текст приводится на румынском языке
[Macedonia 1888: 6–8. Цит. по: Șăineanu 1896: 1–45])

Одна старуха, которой наскучила долгая зима, дождалась конца января. Обманутая 1 марта, старуха погнала своих козлят на гору Кодругион, бравлируя перед Мартом тем, что он будто бы не сможет ей помешать. Тогда Март попросил у Февраля, который тогда длился 30 дней, одолжить ему два дня. Старуха, изумленная метелями и снегами, окаменела вместе со своими козлятами [и превратилась] в скалу, окруженную другими, поменьше. А Февраль, у которого осталось только 28 дней, называется с тех пор *Scurtul* («короткий»).

* * *

Odată, încă din timpul verei, cele douăsprezece luni ale anului s'au înțeles să pună într'un butoi struguri, și, după ce struguri vor fermenta, vinul să-l bea toți împreună, ca frați și ca tovarăși.

La aceste cuvinte mart se scoală și zice: “eu cel dintîi voi băga vin în butoi, și după mine să puneți toți”.

Au pus și ceilalți și după puțin timp vinul a fermentat și s’a făcut cum e mai bun de băut. Mart, care pusese cel dintîi struguri, zice celorlalți:

— De vreme ce eu cel dintîi am pus struguri în butoi, tot eu voi începe să beau.

Atunci a deschis cepul butoiu’ui și bău, bău pînă ce n’a mai rămas decît drojdia.

După mart venia april. Cînd acesta s’a dus la butoi, gura lăsîndu-i apă de sete după vin, ce să vadă? Butoiul era răsturnat și nici o picătură măcar nu mai curgea din el. Văzînd aceasta, el s’a supărat pe ceilalți tovarăși.

Aceștia îl ascultă, se supără și se gîndesc ce să facă. În cele din urmă au convenit că ianuar să bată pe mart pentru minciuna și furtul ce a comis.

Ianuar l-a apucat, a luat o bîtă și i a tras o mamă de bătaie pînă ce a zis *aman!* l-a și dreptul, ca anul să înceapă cu ianuar, nu cum începea înainte vreme cu mart.

Bietul mart, cînd își amintește că a băut vinul și că i a înșelat pe ceilalți tovarăși, râde și face timp frumos; dar, cînd și amintește de bătaia pe care i-a dat-o ianuar, plînge, plouă și ninge; și devine foarte rece. De aceea lumea zice de luna lui mart:

Mart îl cheamă și haz face,

Aci-i cald, aci e rece.

Și astfel bietul mart a rămas rușinat și urît de ceilalți tovarăși ai lui.

(текст приводится на румынском языке [Paparagi 1923; 1979])

Однажды, еще летом, двенадцать месяцев года договорились положить виноград в один бочонок и, после того как виноград перебродит, выпить вино всем вместе, как братья и как товарищи.

При этих словах Март встал и сказал: «Я первым налью вино в бочонок, а после меня нальете вы все».

Налили [вино в бочонок] и другие, и через некоторое время вино перебродило и стало отлично подходящим для питья. Март, который первым положил виноград [в бочонок], сказал другим:

— Поскольку я первым положил виноград в бочонок, я и буду пить первым.

— Хорошо, — ответили другие месяцы.

Тогда он вытащил затычку из бочонка и пил, пил, пока не остались одни выжимки.

После Марта пришел Апрель. Когда он направлялся к бочонку, у него текли слюнки, но что же он увидел? Бочонок был перевернут, и уже ни капли не текло из него. Увидев это, он рассердился на своих товарищей.

Те его выслушали, рассердились и стали думать, что же делать. В конце концов решили, что Январь побьет Март за ложь и кражу, которую он совершил.

Январь схватил его, взял палку и задал ему хорошую трепку, пока он не запросил пощады, и отобрал его право, [сделав так], чтобы год начинался с января, а не с марта, как было раньше.

Бедный Март, когда вспоминает о том, как он выпил вино и обманул товарищей, смеется, и погода хорошая; но когда он вспоминает о трепке, которую задал ему Январь, он плачет, идет дождь и снег, и становится очень холодно. Поэтому люди говорят о месяце марте:

Его зовут март, и он шутки шутит,

То жарко, то холодно.

И таким образом бедный Март остался опозоренным и ненавидимым своими товарищами.

1.2. Украина

Гуцулы

Жила колись мачуха, вона була дуже погана, якими тільки й бувають мачухи. Але в неї була дочка, і вона всіляко мучила її.

Трапилось одного разу, що баба Євдоха, бо так називалася мачуха, вже в березні послала свою дочку шукати малину. Стара придумала цей наказ, зрозуміло, тільки для того, щоб помучити дівчину.

Коли зажурена дівчина проходила лісом, вона побачила двох подорожніх, які сиділи при вогнищі, а ще була сувора погода. Коли чоловіки побачили дівчину, вони покликали її до себе і запитали, що з нею, чому вона плаче. Дівчина крізь сльози розповіла їм про свою недолу і що мачуха послала її по малину, хоча й знала, що в таку пору малини не знайти.

А тими чужими людьми були Спаситель і святий Петро¹. Вони зглянулися над дитиною, розрадили її та звеліли підняти запаску, в яку чоловіки кинули кілька жмень розжареного вугілля з їхньої ватри і наказали заодно дівчині не оглядатися за ними, поки не дійде додому.

Дівчина пообіцяла бути слухняною і повернула назад. Коли вона дійшла додому, стара тут же розкричалася, розпитуючи, чи принесла вона малини. «Це я щей сама не знаю», — відповіла дівчина і в той же час подивилася в запаску. Подивилась — а запаска була повна найпрекрасніших ягід. Дівчина понадіялась, що мати вже не буде більше лаяти її.

Тепер стара сама зібралася в дорогу, щоб шукати малинових ягід. Вона зігнала докупити своїх овець і кіз, взяла з комори дванадцять кожухів

---

¹ Согласно другим вариантам, девушка встретила двенадцать месяцев [Кайндль 2000: 117].

і пустилася в дорогу на Чорну Гору. Там вона надіялася знайти багато малини, а також багате пасовище для свого стада.

Але, коли Євдоха вибиралася на гору, там ще панувала люта холоднеча. Тому баба одягла на себе один з кожухів і незабаром їй стало тепло. Тоді охопила її безсоромність, яка вилилася в брудну лайку: «Березню, березню, я тобі в обличчя насе...»¹ Тут же розігралася жадлива негода, лив дощ, а вночі наступив лютий мороз. Євдоха натягала щоденно по одному зі своїх кожухів, але на дванадцятий день в неї вже не залишилося жодного, і вона, врешті-решт, замерзла. Так стара навела на землю, через свою манірність, сувору віхолу, яка тепер повторюється щорічно. Але заледенілий стовп її постаті все ще стоїть і сьогодні на Чорній Горі, і з його підніжжя просочується джерело надзвичайно прохолодної та освіжаючої води.

[Кайндль 2000: 116–118]

Жила когда-то мачеха, она была очень злой, какими только и бывают мачехи. У нее была дочка, и она (мачеха) всячески мучила ее.

Случилось однажды, что баба Евдоха — так звали мачеху — в марте послала свою дочь искать малину. Старуха придумала это поручение, разумеется, только для того, чтобы помучить девушку.

Когда опечаленная девушка шла через лес, она увидела двоих путников, которые сидели у костра, а погода была суровой. Когда мужчины увидели девушку, они подозревали ее к себе и спросили, что с ней, почему она плачет. Девушка сквозь слезы рассказала им о своем несчастье и о том, что мачеха послала ее за малиной, хотя и знала, что в такую пору малины не найти.

А теми чужими людьми были Спаситель и св. Петр. Они сжалились над ребенком (так в тексте. — *Н. Г.*), успокоили ее и велели поднять фартук, в который бросили несколько пригоршней раскаленной угли из своего костра, и наказали девушке не оглядываться на них, пока не дойдет до дома.

Девушка пообещала быть послушной и повернула назад. Когда она дошла до дома, старуха тут же раскричалась, спрашивая, принесла ли она малины. «Этого я еще сама не знаю», — ответила девушка и тут же заглянула в свой фартук. Глянула — а фартук был полон прекраснейших ягод. Девушка надеялась, что мать больше не будет ее ругать.

Теперь старуха сама собралась в дорогу, чтобы искать ягоды малины. Она согнала в стадо своих овец и коз, взяла из кладовой двенадцать кожухов и пустилась в путь на Черную гору. Там она надеялась найти много малины, а также богатое пастбище для своего стада.

Но когда Евдоха поднималась на гору, там еще господствовал лютый холод. Поэтому баба надела на себя один из кожухов, и вскоре ей стало теп-

¹ Вариант: «Марот, марот, серу тобі на рот» [Кайндль 2000: 117].

ло. Тогда охватило ее бесстыдство, которое вылилось в грязное ругательство: «Март, Март, я тебе в лицо нас...» Тут же разыгралась ужасная непогода, лил дождь, а ночью ударил лютой мороз. Евдоха каждый день натягивала по одному из своих кожухов, но на двенадцатый день у нее уже не осталось ни одного, и она, в конце концов, замерзла. Так своей грубостью старуха навела на землю суровую метель, которая теперь повторяется ежегодно. А ее фигура, превратившаяся в ледяной столб, все еще стоит на Черной горе, и из ее подножья пробивается источник необычайно прохладной и освежающей воды.

1.3. Болгария

1.3.1. Русе

Месец март води името си от една жена, баба Марта, която през този месец, мислейки, че е дошла пролета, отишла да си пасе козите в една планина. Свива обаче голям студ и тя става на камък. От този камък после потекло вода, която и досега тече. Понеже името на тази възрастна жена било баба Марта, и месеца взели да наричат «баба Марта».

(записано от архимандрита Евтимия в с. Ново Село, област Русе [Миков 1985: 75])

Месяц март получил свое название по имени одной женщины, бабы Марты. Баба Марта в этом месяце, думая, что наступило теплое время года, отправилась со своими козами в горы. Вскоре снова начались сильные морозы, и баба Марта окаменела. Из камня [в который превратилась Баба Марта] потекла вода, которая течет до сих пор. Поскольку имя этой старой женщины было баба Марта, месяц также стали называть «баба Марта».

1.3.2. Ловеч

Първите три дни от март се наричат *Заёмници*. Според легендата Баба Марта ги взела назаем от брат си Малък Сечко, за да замрази козарката и стадото ѝ в планината. През тези три дни стопаните предсказват какво ще е времето през март, април и май. Ако вали дъжд през първия ден, целият март ще е дъждовен.

(область Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Первые три дня марта называют *Заёмници*. Согласно легенде, Баба Марта взяла их взаймы у своего брата Февраля (Малък Сечко), чтобы заморозить пастушку, которая пасла коз, и ее стадо в горах. По этим трем дням хозяева предсказывают, какая будет погода в марте, апреле и мае. Если идет дождь в первый день, весь март будет дождливым.

* * *

Променливото време през март се обяснява с неустойчивия нрав на Баба Марта, която се разсърдила на братята си, че ѝ изпили виното.
(област Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Переменчивая погода в марте объясняется неустойчивым характером Бабы Марты, которая рассердилась на своих братьев за то, что они выпили ее вино.

* * *

Марта се сърди, защото на Сечко курът му е къс, а на април — мек.
(с. Голец, община Угърчин, област Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Марта сердится, потому что у февраля (Сечко) пенис маленький, а у Апреля (Април) — мягкий.

* * *

Живяла Марта със своите братя далеч в планината. Те носели едно име — Сечко. Само че единият наричали малък, а другият — голям Сечко.

От високата планина те виждали и чували всичко, каквото става по земята. Усмиввала ли се Марта, погалвала и гадинки, и тревички. Стопляла с благата си усмивка, блестяло като златно слънцето, прелитали весело птичките.

Веднъж една млада пъргава невеста подкарала овчиците си в планината, зер топло слънчице огряло, птички се обадили, та тревица, стоката да попасе.

— Не извеждай, булка, ваклушите на паша, рано е! Скоро Сечко си отиде — думал ѝ свежърът.

Преживял е много той и мъдро може да поучи. По слънцето познавал старецът кога ветрове още завейат, по месеца разбирал кога дъжд ще захване, кога град ще бие, кога зла зима ще вилнее.

— Кърпикожусите цъфтят сега, снахо — топло ѝ напомнил старецът. — Това е цвете лъжовно, не прецъфти ли, не му вярвай, кожухчето не сваляй!

— Е, тейко, какво ми ще стори Марта? Тя е жена и зло на жена не може да направи — казала снахата и подбрала овцете и козите нагоре към планината.

Дочула Мата тези думи и тежка мъка ѝ домъчняла. Нищо че е жена, и тя може да покори слънцето Като братята си, и тя има сила бури и хали да посее, и тя знае кога слънчев благодат да прати. Какво от това, че жена ѝ думат!

Не мишло много. Тъмни облаци надвиснали над планината. Ветрове безмилостно забрулили напъпилата гора, леден сняг зашибал, захванала люта зима. Сковала се земята, замлъкнали птиците, секнал ромонът на ручея.

Младата овчарка така и не се върнала вече. Тя останала вкаменена заедно с овчиците си горе в планината.

(с. Черни Осъм, община Троян, област Ловеч
[Йорданова 1988: 46–47])

Жила Марта со своими братьями далеко в горах. Они (братья) носили одно имя — Сечко. Только вот одного называли *Малък* (Малый), а другого — *Голям* (Большой) *Сечко*.

С высокой горы они видели и слышали все, что делается на земле. Если улыбалась Марта — ласкала и зверушек, и травку. Теплело от ее доброй (сладкой) улыбки, блестело, как золотое, солнце, весело порхали птички.

Однажды одна проворная молодка погнала своих овечек в горы, потому что засияло теплое солнышко, птички запели, да и травка годится для выпаса.

— Не выводи, невестка, овец на пастбище, рано! Скоро феврасль (Сечко) уйдет, — говорил ей свекор.

Он много пережил и многому может научить (мудро может наставить). По солнцу узнавал старик, когда подуют ветра, по луне мог понять, когда дождь начнется, когда будет бидь град, когда злая зима начнет свирепствовать.

— Безвременники (зимовники) цветут сейчас, сноха, — ласково напомнил ей старик. — Это цветок лживый, не верь ему, пока не завянет — кожушок не сбрасывай.

— Э, баюшка, что мне сделает Марта. Она женщина, и зла женщине не может причинить, — ответила сноха и погнала овец и коз в горы.

Услыхала Марта эти слова, и тяжкая мука стала ее мучить. Ничего, что она женщина, и она может покорить солнце, как и ее братья, и она в силах сеять бури и вихри, и она знает, когда солнечную благодать послать! Что с того, что ее называют женщиной!

Прошло немного времени. Темные тучи повисли над горой. Ветра безжалостно обрушились на лес, где на деревьях уже набухли почки, пошел холодный снег, началась лютая зима. Застыла земля, замолчали птицы, затих шум ручья.

Молодая пастушка больше так и не вернулась. Она осталась, окаменевшая, вместе со своими овцами, высоко в горах.

1.3.3. Перник

Говорили са, едно време некаква бабичка у Стара Планина откарала кози и рекла: «Айде сега — на први март, нали, — Марта жена, и ѝа жена». Добре, ама тоа Сечко, фефруари, казал на Марта: «Сестро Марто, ѝа ни займи три дена да повеем, та че ти ги врнем». И заемл'ацие. Први март, значи, фтори, трети, четврти са заемл'ацие. И узема три дена и като завее снек, стут, и бабата се скочанила, и кучето и козите. И расправ'а: у Стара Планина имало бабата, тука у Българииа, бабата, кучето и козите, и ри помочо ѝу, вика, вода тече, чешма. Е, като чешма са го направили.

(с. Кралев-Дол, община Перник, област Перник
[Трефилова 2006: 228–276])

Говорили, когда-то одна старуха выгнала коз пастись в Стара-Планине первого марта, сказав: «Я — женщина, и Марта — женщина». Все бы хорошо, да Сечко, февраль, сказал Марте: «Сестра Марта, одолжи мне три дня повеять, я тебе их верну». И (поэтому эти дни называются) «заемляци». И взял три дня, и, когда замело снегом, мороз, бабка окоченела, и собака, и козы. И говорят: в Стара-Планине жила бабка, здесь, в Болгарии, собака и козы, и от отго, что она обмочилась, говорят, течет чешма. Ну, чешмой сделалось.

(перевод О.В. Трефиловой)

Заемо су правили, заем е правил дедо Сечко у бабу Марту. Тия три дьна така викаю, от тия три дьна кога дойду за бабу Марту ги даваю.

(с. Глоговица, община Трън, област Перник
[Узенева 2004б: 298–353])

Заем делали, займы брал дед Февраль у бабы Марты. Эти три дня так называют, эти три дня, когда они придут, он их бабе Марте отдает.

(перевод Е.С. Узеновой)

1.3.4. Кюстендил

На «Сечкоте» дните бил по-малко на брой от тия на сестра му Марта. И кога дошла Марта, човеците се поотпуснали — няма вече да има студ. Една баба изкарала на паша малкото си стадо от овци и кози и рекла: «Тръш бабини овчици и козици, не бойте се от Сечкоте, язе че му серем у брадата». Дочул я Сечко и се разсърдил много. Отишел при сестра си Марта и ѝ рекъл: «Сестро Марто, дай ми два-три дена у заем, та да скончам бабата, що пасе овци и кози!» Тя му дала три дни и като захванала една фъртуна, едн студ — махни брате! Скончил бабата и овците, и козите, та се станали на каменье — така си е и до днеска.

(Кюстендилская котловина [Захариев 1963: 387])

У Сечко (Февраля) было меньше число дней, чем у его сестры Марты. И когда пришла Марта, люди расслабились — больше не будет морозов. Одна старуха вывела на пастбище свое маленькое стадо овец и коз и сказала: «Трыш бабины овечки и козочки, не бойтесь Сечко, потому что я ему на...у в бороду». Услышал это Сечко и очень рассердился. Пошел к своей сестре Марте и сказал: «Сестра Марта, дай мне два-три дня займы, чтобы я покончил со старухой, которая пасет овец и коз». Она дала ему три дня, и как началась буря, холод — брось, брат! Прикончил он и старуху, и овец, и коз, и они превратились в камни — и так стоят до сего дня.

1.3.5. Благоевград

Согласно поверьям, февраль (*Сечко*) взял займы у марта (Бабы Марты) три дня, а когда вернул, они оказались очень холодными. Известна легенда о бабе, которая отправилась пасти в этот день коз в горы, сказав, что «она на...ла на бороду Сечко и на платок Бабе Марте», и из-за внезапного холода замерзла там. От них остались три скалы: белая и черная — от коз, а третья — от бабы.

(с. Гега, община Петрич, область Благоевград
[Узенева 2001: 127–151])

* * *

Существует поверье о трех плохих старухах (*лошите баби*), взявших у февраля (*Сечко*) займы три дня, во время которых всегда плохая погода. Трех дней им оказалось мало, февраль дал им еще четыре дня, и стало семь старух.

(с. Гега, община Петрич, область Благоевград
[Узенева 2001: 127–151])

Защо през март е още студено

Баба Марта ... адно време, начи, във малкия месец е било убаво времето, стоплило са. И баба Марта, тя била Марта, кòзите пàсла де, жена... (Ма не баба Марта, друга адна баба).

Времето убаво, топличко, убаво. Няя кòзи стàнали едни... ярета, де, родѝли веке, и тя:

— Е-хе-ей! — казва. — Щом, — каа, — малкия месец — Малк̀н кае — излязе убав, па на баба Марта, — кае, — да ù са п̀кна в кр̀пата, тя а, — казва, — нищо. Още по-топло ше е, — казва.

И пуснала кòзите там отгòръ в Пир̀на да пасат. Като удàря един студ, и сняг залетяло, и я вкамен̀ло там. Там стàнала камен, и кòзите и сичко. Там остàнало камен. Та щом още Марта а е студено времето. Април като дое, тога е веке топло.

(область Благоевград [Народна проза 1985: 369])

Почему в марте еще холодно

Баба Марта... Когда-то, значит, в маленьком месяце [феврале] была хорошая погода, потеплело. И баба Марта, она была Марта, коз пасла, женщина. (Э, нет, не баба Марта, какая-то другая баба.)

Погода хорошая, тепленькая, хорошая. Те козы козлят родили уже, и она:

— Е-хе-ей! — говорит. — Если уж, — говорит, — маленький месяц — Малкун — выдался погожим, а бабе Марте, — говорит, — я помочусь в платок, она, — говорит — ничто. Еще теплее будет, — говорит.

И выпустила коз там на вершине Пирина пастись. Как ударил мороз и снег пошел, и она окаменела там. Там она стала камнем с козами вместе. Там остался камень. ...в марте еще холодная погода. Как придет апрель, тогда уже тепло.

Защо Баба Марта ту плаче, ту се смее

Имало едно време... веке тримата — Голем Сечко и Малък Сечко, и си имали и една сестра — се казвала Баба Марта. Имали си лозè тримата и си гледали лозето. Дошло време, обрала гроздето и си направили три бъчви вино. Добре ама веке братята чашка по чашка, сека вечер си пийнували и изпили си техното вино. Добре ама като почна̀ли да... тя, баба Марта, не е знаяла тва нещо, тия чашка по чашка и от нийното вино, почна̀ли нийното вино. Чашка по чашка, изпили и нийното вино. И дошло веке време баба Марта като ù влезъл месеца, и тя веке иска̀ла да почерпи, отишла да потърси от виното. Потърсѝла да види и нийната бъчва дали седи виното, не е имало вино вече, испили го братята ù. Тя вече се разфучала, разцѝкала, ки веки разфучала се, ке ù са изпили братята виното. Ту веке се засмее, ту веке заплаче за виното. И най-сетне па каза̀ла: «Най сетне па го са изпили, моите братя го са изпили. Що ке праиме веке». Затва Марта ту се смее, ту плаче.

[Народна проза 1985: 369]

Почему баба Марта то плачет, то смеется

Когда-то... уже трое — Большой Сечко (Январь), Малый Сечко (Февраль), и была у них сестра — она звалась Баба Марта. Были у всех троих виноградники, и они ухаживали за своими виноградниками. Пришло время, собрали они виноград и сделали три бочки вина. Хорошо, только братья стакан за стаканом каждый вечер пили и выпили свое вино. Хорошо, но как начали... она, баба Марта, не знала ничего этого, они стакан за стаканом и ее вино, начали [пить] ее вино. И подошло уже время, баба Марта, как пришел ее месяц, она уже хотела выпить, пошла искать вино. Заглянула в свою бочку — есть ли там вино, [а] вина уже не было, его выпили ее братья. Она уж расфыркалась, раскричалась, разбушевлась, что выпили бра-

тя е вино. То засмеет се, то заплачет о вино. И в конце концов она сказала: «В конце концов его выпили, мои братья его выпили. Что теперь делать». Поэтому баба Марта то смеется, то плачет.

[Народна проза 1985: 369]

Баба Марта, братята и майка им

Баба Марта имала единнасе братя, като секи ги знае де: януари, февруари — сичките. Добре ма тя си скрила една бачва вино. И тя, за да се запаса, скрила си. Тея се нанизали тоа пийне сега, оне пийне утре, тоа пийне сега — изпили ъ виното.

Заплакала баба Марта, че ъ са изпили винцето. Заплакала — заросило даж от нийните съззи. И се сетила па, и рекла: «Ха. Та кат го са изпили, моите братя са го изпили, не са го изпили чужди хора». И се засмела.

[Народна проза 1985: 369]

Баба Марта, братя и их мать

У бабы Марты было одиннадцать братьев, которых всякий знает (как всем известно): январь, февраль — все [месяцы]. Ладно, и она спрятала для себя один бочонок вина. И она, чтобы сохранить про запас, спрятала. Они стали пить по очереди — один выпьет сейчас, другой выпьет завтра, третий выпьет сейчас — выпили ее вино.

Заплакала баба Марта, что выпили ее вино. Заплакала — дождь начался от ее слез. И вспомнила и сказала: «Ха. Если его выпили, мои братья его выпили, его не выпили чужие люди». И засмеялась.

1.3.6. Нелокализованные болгарские тексты

Баба Марта имала 11 братя, които не винаги са ѝ давали зестра и имот, и затова тя се начумервала или пък се засмивала и времето било слънчево.

[Миков 1985: 76]

У Бабы Марты было одиннадцать братьев, которые то отказывались, то соглашались выделить ей ее часть семейного имущества и приданое, и поэтому она то хмурилась, то смеялась, и тогда погода была солнечной.

* * *

Баба Марта имала двама мъже, едина обичала, а другия мразела. Та кога видела този когото обичала — засмивала се, кога видела този когото мрази — разлютявала се и плачела, ставали веялици и валило дъжд. Баба Марта кога се разсърди била много люта.

[Миков 1985: 76]

У Бабы Марты было два мужа, одного из них она любила, а другого — ненавидела. И когда она видела того, которого любила, — смеялась, когда же видела того, которого ненавидела, — злилась и плакала, начинались метели и лил дождь. Баба Марта, когда рассердится, была очень сурова.

* * *

Когда-то, очень давно, когда дней у бабушки Марты было двадцать восемь, в одном уютном сельце, приютившемся у отрогов гор, жила вредная бабка с двумя белыми козочками. В последний день месяца пригрело солнце и бабка вывела на пригорок козочек побегать под солнышком и пощипать молодых побегов. Но была она вредная и не упустила посмеяться над бабой Мартой, что время ее ушло, и крикнула: «Марта-партга, кыш, кыш, а я вывела козочек прогуляться... э-эй!»

Рассердилась баба Марта, но время ее и в самом деле было на исходе. Полетела она к своему братцу Февралю и попросила его дать ей займы три дня из своих. Что делать братцу, подарил сестренке три дня. Как разгулялась Марта, подул злой ветер и сковал льдом всю землю. Окоченела бабка с двумя козочками. С тех пор баба Марта стала на три дня больше, а народ почитает эти дни, не работает в поле, чтобы не рассердить старуху, не то уничтожит урожай. В некоторых селах называют эти дни еще «заемными» и тогда сажают фасоль возле дома, потому что тогда она становится вкуснее. Если погода стоит ясная и теплая, тогда люди знают, что коконы шелкопряда будут прочными и много их будет. Если облачно и дождливо, коконы будут непрочные, а урожай фруктов — плохой.

[Ников 2004: 34]

1.4. Македония

1.4.1. Велес

Три первых дня марта именуются «три ба́би». Если погода в один из этих дней была теплой, говорили, что эта «баба» — более молодая, более красивая (*по́млада ба́ба, по́арна ба́ба*). В целом же считаются самыми плохими по погоде весенними днями. Согласно легенде, какая-то старая баба в теплый мартовский день вывела свою отару на пастбище и издевалась над месяцем Февралем, дразнила его: «...прдни, Сечко, на брадина!» Злая баба («есть три дня и три бабы») рассердилась («Ты меня еще узнаешь!»). Тут же посыпал снег, заморозило и овец, и бабу-насмешницу, цедившую молоко в ведро. Три первых дня марта — это дни февраля (*сечкини денови*), внезапно может быть очень плохая погода. Марта взяла займы у февраля три дня — «Сечко» попросил ее взять их займы, чтобы наказать за оскорбление тех, кто вышел на пастбище. До сих пор можно увидеть камень в облике замерзшей бабы.

(с. Теово, район Велеса [Плотникова 2006а: 192–227])

1.4.2. Струга Бабини дни

Последни-те дни отъ Марта се викаетъ бабини дни, кои обикновено сѣтъ студени, и ветарливи. Тіе дни се зедени отъ Априля ево како. Една стара жена по излегвение-то отъ Марта, како виде, че време-то беше топло и много хубаво, рече: «Циц козица на планина, прдни Марту на брадина»; и си излезе со кози-те на планина. На Марта падна тешко да се презиратъ отъ една баба, и рече на Априля: «Априле, лиле, мой побратиме, придай ми три дни да згрубам баба». Априль му даде; и захвати таков студ, лапавици и ветрища, що баба-та со 'се кози замрзнала. И денеска, велеть, стоятъ каменообразни баба-та и кози-те на Шаръ планина.

[Миладинови 1981: 523–524]

Бабины дни

Последние дни марта называются *бабины дни*, они обычно холодные и ветреные. Эти дни заняты у апреля, вот как. Одна старая женщина, обманутая Мартом, увидев, что погода теплая и хорошая, сказала: «Иди, козочка, на гору, п...ни Марту на бороду»; и вышла с козами в горы. Марту было тяжело вынести презрение старухи, и он сказал Апрелью: «*Априле, лиле*, мой побратим, добавь мне три дня, чтобы погубить старуху». Апрель ему дал [дни], и начался такой мороз, метели и ветра, что старуха со всеми козами замерзла. И сегодня, говорят, стоят окаменевшие старуха и козы на Шар-планине.

1.5. Сербия

1.5.1. Валевский край

Неку бабу завејало са козама и јарима. Она каже, баба је рекла: «ја сам поранила марту на срамоту», и дуне ветар и снег, јака олуја и бабу и јариће и козе завеја снег.

(с. Ставе, Валевский край, западна Сербия
[Якушкина 2006: 299–323])

Одну старуху занесло снегом с козами и козлятами. Она сказала: «Јазло марту појду пасти скот раньше». Подул ветер, пошел снег, началась сильная буря, и старуху с козами и козлятами занесло снегом.

(перевод Е.И. Якушкиной)

* * *

Бабини укуви кад ти време се мења, час сунце, час снег. То ти је у марту. То се зове бабини укуви у марту и мученица Дока каже до подне се мучила од подне се потурчила.

(с. Ставе, Валевский край, западна Сербия
[Якушкина 2006: 299–323])

«Бабини укови» (старухины порывы ветра. — Н. Г.) — это когда погода меняется, то солнце, то снег. Это называется «бабини укови» в марте, и мученица Дока, говорит, до полудня мучилась, а от полудня отуречилась. (перевод Е.И. Якушкиной)

1.5.2. Нелокализованный сербский текст

Бабини козлићи

Оно вријеме кад на свршетку марта или у почетку априлија удари снијег или цигани. Приповиједају да је некаква баба истјерала јариће у планину, па дунуо сјевер, а она рекла: «Прц, Марцу, не бојим те се: моји јаричићи петорошчићи». На то се расрди Март, па узајмивши у Февруарија неколико дана, навали са снијегом и с мразом, те се смрзне и окамени и баба и њезини јарићи. Кажу да се и данас може видјети у некаквој планини (гдје се то догодило) оно камење што је постало од бабе и од јарића: баба стоји у сриједи и јарићи око ње.

[Караџић 1964: 28–29]

Старухины козлята

Бывает, что где-то в конце марта или в начале апреля повалит снег или «цыгане» (снег с дождем). Рассказывают, что одна старуха погнала козлят в горы, подул северный ветер, а она сказала: «Прц, Марцу, не бојим те се: моји јаричићи петорошчићи» («Прц, Март, не боюсь тебя: мои козлята пятирогие»), Март рассердился на это и, заняв у Февраля несколько дней, нагнал снега и мороза, так что замерзли и окаменели и старуха, и ее козлята. Говорят, что и сегодня еще можно увидеть на какой-то горе (где это произошло) камни, которые остались от старухи и от козлят: старуха стоит в середине, а козлята — вокруг нее.

1.6. Албания

Некие старуха и старик (*q`aka`edhe q`aku*) недооценили зиму и отправились с пастухом и со скотом на высокогорное пастбище. Стариков обманула «новая зелень» (*m`ugjulli i njo m*), высокая трава, которая появилась за десять дней до Дня весны.

Старуха, выйдя на вершину горы в первый день, сказала: “*H`ipa n`m`aje t`m`a lit, e pr`esha buz n e m`arsit, vet jam e bar`it e gjas i ka m`*” («Я поднялась на вершину горы и перешла границу марта, я сама, и у меня есть пастухи и овцы»). (Существует также вариант, согласно которому старуха со стариком на пастбище насмеялись над апрелем: “*H`ipa n`buz t`m`arsit, pj`erdha pr`illin`*”...)

Март, время которого (то есть последний день) заканчивалось, попросил у Апреля два дня в долг: “*O prell, or vlla, a po m`jep nja di dit uh`a, se ne*

njφ e ka m vet, `ene ta bφj q `akën si di vet!» («О, Апрель, брат мой, дай мне два дня в долг, потому что третий день у меня самого есть, чтобы я смог сделать со старухой, что сам знаю!»).

Апрель подарил марту два дня, начался снег и северный ветер, которые продолжались в течение трех дней и от которых негде было спрятаться. Старуха, старик, пастух, конь и собаки превратились в белые глыбы (*gjur t'ba rdh*), которые до сих пор остались на этом месте.

В селе Мухурр «старухами» называют три холодных дня весны, последний день марта и два первых дня апреля (*trej dit jan q `aka*). Полагают, что и по настоящее время в эти дни обязательно бывает ненастье.

Там же, в Мухурре, бытует другая легенда, согласно которой птица *mllenj* в конце марта решила, что зима прошла, и вывела птенцов раньше других птиц. Однако внезапно пошел снег, дождь, начал дуть сильный ветер, ненастье продолжалось три дня, и господь заморозил птенцов.

(с. Мухурр, краина Дибра, р-н Пешкопия, Албания, албанский среднегегский говор [Юллы, Соболев 2003: 422])

1.7. Греция

1.7.1. Греческая Македония

Некая старуха (*Μπάμπω, Babo*) в первые теплые дни марта поднялась в горы со своими козами. Внезапно погода изменилась, поднялся ветер и выпал снег. Старуха со своими козами погибла, а на другой день наступила летняя жара. От трупов коз и старухи, вздувшихся от жары, исходило зловоние, и отсюда произошло название этого коварного и непредсказуемого месяца — *ου πρoύτς Μάρτς* («пшик-март», «пук-март», «март-п...н»).

(с. Эратира, округ Козани, западная часть греческой Македонии, северная Греция [Зайковская, Зайковский 2001: 152–181])

* * *

У Марта две жены: одна — добрая, с открытым сердцем и смешливая, а другая — хмурая и сердитая. Когда приходит Март к смешливой, и погода тогда смеется, а вот когда обратно приходит к хмурой жене — погода портится.

(Греческая Македония [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.7.2. Эпир

Бабо

По дороге в Янину, в половине часа пути от Арты, рядом с тремя деревнями — Богородицы, Морати и Старока, есть место, которое называют «Бабо». Там лежит гряда камней, похожих на овец и коз, а посередине боль-

шой камень, в котором видят женщину с подоиником на голове, с прялкой и веретенами.

Эта старуха пасла своих овец в том месте, и всю зиму с ними хорошо управлялась, и никакой беды с ними не приключилось. И когда заканчивался март, она, пританцовывая, сказала: «К твоему стыду, старик март, справилась я с барашками и козами». Марту это не понравилось, и в оставшиеся три дня он напустил сильный холод, который заморозил и старуху, и овец, превратив их в камни, каковыми они и остаются до сих пор. Поэтому три последние дня в марте называются бабьими, то есть старухиными.

(Арта [Πολίτου 1965: 306]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.3. Пелопоннес

Женился март и взял себе жену, которая со спины казалась красавицей, но с лица — Бог ты мой! Оттого, когда он смотрит на нее сзади, то радуется и смеется, и погода в это время проясняется, а когда же он видит ее лицо, то плачет и погода портится.

(Мессения [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Окаменевшая старуха

Одна старуха-пастушка перенесла много тягот зимой, и когда заканчивался март, которого из всех месяцев она боялась больше всех, то она не смогла удержаться, чтобы не крикнуть от радости в последний день: «Вонючка Март! Перезимовали мои козочки!» Март страшно рассердился из-за того, что оскорбила его старуха, и одолжил взаймы один день у Февраля (поэтому того теперь называют хромым, хромым февралем, который на один день короче всех других месяцев). Устроил в этот день глубокую зиму и заставил старуху забраться под медный котел, чтобы не задохнуться. И на том месте она окаменела, а с нею и все ее козы. И сегодня еще на горе, над Франковрисо, можно увидеть и котел старухин, и ее коз.

(Аркадия (Пелопоннес) [Πολίτου 1965: 298]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.4. Аттика

У Марта две жены: одна — красивая и бедная, а другая — уродливая и очень богатая. Спит Март между ними, положив одну жену с одной стороны, а другую — с другой. Когда он поворачивается к уродине, то хмурится и мрачнеет, и весь мир тогда темнеет, а когда поворачивается к красавице, и тогда светло на всем белом свете. Только вот он чаще поворачивается к уродине, потому что она — богачка и кормит его бедную красавицу-жену.

(Афины [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.7.5. О. Тасос Загон Попины

Над ложиной Попины расположен загон Попины. Эта Попина владела стадами коз и овец и большим медным котлом, у которого было двести с чем-то ручек, и вмещал он тысячи ока (мера веса, равная 1280 г) молока. И было у нее двое сыновей (одного из них звали Янис), которые ушли на Святую Гору и стали монахами в монастыре св. Лавры.

Однажды, в конце марта, радовалась она, что прошла зима, и похвалялась, что не нужно больше им бояться за свой скот; но у марта еще оставалось два дня и он на три дня напустил такой холод, снег и мороз, что вся скотина, которая была снаружи, пала. Уцелело только четыре тысячи овец и коз, которых (Попина) успела спрятать. А когда она почувствовала, что и ей самой недолго осталось жить, то закричала высоким голосом, крик этот пересек море, и ее сын в монастыре св. Лавры услышал его. После смерти матери он перевез все, что у нее было, на Святую Гору. И до сих пор там хранится медный котел Попины; и все оливы в Вагья Потамья были ее, а теперь принадлежат монастырю Филофея, которые купил их у Лавры, где монахом был сын Попины.

(о. Тасос [Πολίτου 1965: 305]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.6. Киклады

Однажды месяцы порешили найти себе каждый по жене, чтобы не было так одиноко, так темно в их жилище, чтобы было им утешение. Все послали сватов и нашли себе жен, один только Март посмеялся и женился на турчанке. Он слышал, что все турчанки — красавицы, так что женился без разбору. Боже всемогущий, что было вечером, когда его жена откинула паранджу, прикрывающую ее рожу! Март принялся рвать на себе волосы и зарыдал как малый ребенок. Женой его оказалась уродливая беззубая старуха, у которой от старости не осталось на голове ни единого волоса. «Ну, ты, чума, — сердито крикнул он ей, — даже не поворачивайся в мою сторону и не гляди на меня, а то я не выдержу». Но жена его не послушалась, и всякий раз, когда она поворачивается и смотрит на него, Март от злости насыляет ветра, дожди и волнует море.

(Кикладские острова [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Пастух и март

Один пастух в последний день царствования Марта, который больше был ему не нужен, обругал его и сказал: «...март, я в тебе больше не нуждаюсь!» Март рассердился и взял взаймы два дня у февраля с условием, что он его укоротит, а в следующем году отдаст обратно. На эти два дня весь остров покрылся снегом, все живое и неживое пропало, настоящий конец (досл.

вселенский потоп) света. Когда прошли два взятых взаймы у февраля дня, селяне нашли овец того пастуха, который обозвал март, заледеневшими, а самого пастуха посреди его хижины — окаменелым.

Март не вернул февралю два дня в следующем году, поэтому последнего называют хромым февралем и поэтому март продолжается 31 день.

(о. Сифнос (Кикладский архипелаг) [Πολίτου 1965: 307].

Перевод О.В. Чёха)

1.7.7. Нелокализованные греческие тексты

Старухины дни

Три последних мартовских дня называют старухиными днями, потому что когда-то одна старуха держала зимою овец на равнине, и двадцать восьмого марта (в марте тогда было 28 дней) оставила старуха место зимовки, и тут выпал снег. А старуха сказала: «Стыдись, Март, управилась я зимой с овечками и козочками». Тогда Март разозлился, занял три дня у февраля и завалил все снегом. Старуха перевернула свой котел и спряталась под него, и от большой стужи и котел, и старуха, и скотина превратились в камни, внешне похожие на котел и на скот. И с тех пор в марте 31 день, а в феврале — 28.

([Πολίτου 1965: 299]. Перевод О.В. Чёха)

Старухины дни

Жила однажды старуха, которая держала коз. В марте в то время было 28 дней, а в феврале — 31. Наступил март, и весь месяц было тепло, и старуха на радостях, что хорошо перезимовали козочки, засмеялась и сказала: «Стыдись, батюшка Март, управилась я зимой с овечками и козочками». Как услышал Март эти слова, рассердился, в тот же момент занял три дня у своего соседа-февраля и поднял такую бурю (досл. сирокко), что заставил старуху залезть под котел и кричать оттуда: «Сядь, сядь, сядь», потому что козы прыгали на котел. И старухины козы все передохли из-за бури. С тех пор в марте 31 день, а в феврале — 28.

И из-за того что случилось такое со старухой, три последних мартовских дня называются днями старух, и каждый день называют [именами] старух, каждому дню дают имя женщины из числа самых старых жительниц деревни; если день выдастся хороший, говорят, что и женщина хорошая, в случае же непогоды считают плохой (женщину, давшую свое имя дню).

([Πολίτου 1965: 301]. Перевод О.В. Чёха)

Утес старухи

Жила однажды бедная старуха с тремя козами, которых она в одиночку всегда выгоняла пастись на одно место, тут рядом, которое мы сейчас

зовем «прыжком старухи». И вот, когда почти закончился март, в последний мартовский день, а она сильно намучилась за этот месяц, начала она его ругать и бранить. Рассердился и март и попросил своего соседа-апреля одолжить ему три дня, чтобы проучить старуху. Апрель дал ему три дня, и март напустил такого холода, что старуха с козочками замерзли на месте. ([Πολίτου 1965: 302]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.8. Греческие варианты, зафиксированные за пределами Греции

У Марта две жены: одна очень красивая, но почти нищая, а другая — уродливая, но очень богатая. Когда он поворачивается к красивой жене, погода стоит прекрасная, а вот когда повернется к уродливой, тогда погода хмурая.

(Константинополь [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Козы и сыр старухи

Много лет прошло с тех пор, как в горах одиноко жила одна старуха, у которой было бесчисленное количество стад коз: из козьего молока она делала столько сыра, что когда складывала его на берегу для погрузки на корабль, то получилась целая гора!

Однажды март выдался очень холодным, множество скотины на острове пало и только старухины козы совсем не пострадали. Поэтому она, похвываясь, сказала марту: «Март, пришел ты и ушел, а козочек моих не смог заморозить!» Рассердился март, занял два дня у февраля и напустил такого холода и мороза, что у старухи передохли все козы. Но она успела под котлом, в котором готовила сыр, укрыть тысячу, тысячу лобастых (бодливых) и тысячу рогатых коз. Так только эти три тысячи коз спаслись. А февраль, с тех пор как одолжил марту два дня, охромел, и теперь в нем только 28 дней.

Когда наступила хорошая погода, старуха Дракена, разгневанная произошедшим, поставила сыры, оставшиеся на берегу для погрузки, один на другой, и взобралась вверх... и напугала Бога! И Бог ее проклял, превратил в камень и ее, и сыры. До сих пор существует скала, которую называют «старухины сыры». И до какого-то времени стояла на вершине старуха... А старухины козы разбрелись и одичали, так что все дикие козы, которые живут сегодня на Имбросе и на Самофракии, все они от коз той старухи. В то время Имброс и Самофракия были одним островом, только потом разделились.

(о. Имброс (Гёкчеада), Турция [Πολίτου 1965: 303].
Перевод О.В. Чёха)

* * *

У Марта жена — писаная красавица, но хромая. Вот когда она сидит, Март любит ее красотой, радуется и улыбается, тогда солнце делается

яркое, мартовское солнце. А вот когда она стоит или прохаживается, тогда Март хмурится, потому что видит ее изъян.

(Понт [Polítou 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.8. Италия

1.8.1. Сицилия

Жила-была одна старуха, которая, увидев, что март заканчивается, плюнула ему вслед, сказав: “*Fuori! Marzo cane!*” («Вон! Март-собака!»). Задетый таким оскорблением, Март поклялся отомстить ей. И что же он сделал? Он направился к Апрелью и сказал: “*Aprile, vuoi tu farmi un favore? Prestami tre giorni dei tuoi, affinche io possa far morire questa vecchia*”. («Апрель, не окажешь ли ты мне милость? Одолжи мне три дня из своих, чтобы я мог погубить эту старуху».) «Возьми их!» — ответил Апрель, и Март их взял.

У этой старухи было стадо овец, и она давно не выгоняла их на пастбище, поскольку зима была суровая. 1 апреля, увидев, что день погожий, она выпустила овец из кошары и погнала их на луг, скажем, на гору Пеллегино. Но вдруг появилась туча, которая становилась все больше и больше, пока все небо вдруг не стало черным, как мазут (колесная мазь). Старуха бросилась собирать овец, чтобы отвести их обратно в кошару. Но небо вдруг разверзлось и начался дождь, как во время потопа. Старуха хотела бежать, но пошел такой сильный град, что через четверть часа старуха и овцы были мертвы и погребены под снегом(?). Март, громко смеясь, кричал: “*E questo è Marzo cane!*” («Вот тебе и Март-собака!»).

(Палермо, Сицилия [Șăineanu 1896: 1–45])

* * *

Жила-была одна старуха, которая хотела выйти замуж за какого-нибудь красивого парня. Однажды приходит к ней март и говорит: «Хочешь выйти замуж? Если хочешь выйти за меня, спи эту ночь на кирпичах, а завтра мы с тобой поженимся!» Она, обрадовавшись, сказала, что согласна. Вечером старуха отправилась спать на указанное место, говоря:

Pi stasira comu fazzu fazzu,	Сегодня вечером сделаю, что могу,
Dumani assira c’u beddu picciottu m’abbrazu!	Завтра вечером буду целоваться с красивым парнем!

Что же сделал Март? Он позвал Апрель и сказал ему:

Aprili, aprili,	Апрель, Апрель,
’Mprestami un jornu di li toi gurdiri	Одолжи мне один день из твоих увеселений (?),
Quantu asta vecchia la fazzu muriri!	Чтобы я мог погубить эту старуху!

Апрель одолжил ему день, и Март погубил старуху, сказав: “*Marzu scorcia la vecchia 'nta la jazzu*” («Март обдерет старуху на лежанке»).

1.8.2. Сардиния

“Finalmente sei terminato, o mese di gennaio, che mi avevi minacciato di morirmi il gregge colla neve, ora non temo a te, ma a febbraio” — prov. che i pastori dicono l’ultimo giorno di gennaio. E da notarsi che le greggie essendo in Sardegna erranti sono molto massacrate dalla neve. Risponde gennaio:

Prestami duas dies
qui ti las hap’ a torrare
quando des benner innanti.

(Prestame due giorni che ve le restituirò quando verrete prima di me.)
Perciò dicono il mese di febbraio ha due giorni di meno, rimasto col *tòpigone*, cioè colla zoppina. Storiella che raccontano i pastori.

[Spano 1871. Цит. по: Papahagi 1979: 326]

«Наконец ты закончился, месяц январь, что угрожал погубить мое стадо снегом, теперь я не боюсь тебя, а боюсь февраля» — поговорка, которую пастухи говорят в последний день января. Следует отметить, что кочующие стада, которые были в Сардинии, очень страдали от снега. Отвечил январь:

Одолжите мне два дня
Которые я верну,
Когда Вы будете передо мной.

Поэтому, говорят, месяц февраль имеет на два дня меньше (и) остался с *tòpigone*, то есть с хромотой. История, которую рассказывают пастухи.

1.8.3. Аbruццо I giorni della vecchia

La vecchierella beffeggiava marzo dicendo:

*Marzo, mio marzetto,
L’agnello mio ha messo già il cornetto.*

E voleva dire che l’agnello era cresciuto e non aveva più paura dei freddi. Marzo però rispose:

*Ma se, ci ritorno,
Tutto, lo disadorno,*

Циòè: се пролунго i miei freddi, l’agnello tuo, perde i cornetti di cui si adorna e, insomma, addio bestiame e campagna!

La vecchierella non temè la minaccia di marzo, perché pensava fra di sé: — Domani entra aprile e comincia la stagione dei fiori e la mia bestia non deve più temere niente. E seguitava a schernire marzo:

*Marzo, mio marzetto,
L'agnello mio ha messo già il cornetto.*

Marzo, non potendone più, disse ad aprile: — Vorrei continuare il mio mese: prestami tre giorni. — E aprile: — Prenditene anche sei! — Marzo si prese quei sei giorni, continuò a mandare freddo, e il tenero agnello si morì.

*La lingua non ha osso,
ma fa rompere il dosso.*

[Contes 2006: 178–188].

Дни старухи

Одна маленькая старушка высмеивала Март, говоря:

Marzo, mio marzetto, L'agnello mio ha messo già il cornetto.	Март, мой маленький март, Мой ягненок уже выпустил свои маленькие рожки.
--	--

Она хотела сказать, что ягненок уже подросток и что ему больше не страшен холод. Однако Март ответил ей:

Ma se, ci ritorno, Tutto, lo disadorno,	Но если я вернусь, Я лишу его всех украшений (?).
--	--

То есть: если я продлю свои холода, твой ягненок потеряет рожки, которыми он украшен, и прощай (весь) скот в деревне! Старушка не испугалась угрозы Марта, потому что думала про себя:

— Завтра придет апрель и начнется сезон цветов, и мое животное больше не должно ничего бояться.

И она продолжала дразнить Март:

Marzo, mio marzetto, L'agnello mio ha messo già il cornetto	Март, мой маленький март, Мой ягненок уже выпустил свои маленькие рожки.
---	--

Март, который не мог больше (это) терпеть, сказал Апрелью:
— Я хотел бы продлить свой месяц: одолжи мне три дня.

Апрель:

— Бери хоть шесть!

Март взял эти шесть дней, продолжил насыпать холода, и нежный ягненок умер.

La lingua non ha osso,
ma fa rompere il dosso.

Язык без костей,
Но может сломать хребет.

1.8.4. Нелокализованные итальянские тексты

I tre giorni della merla sono considerati, da noi, i giorni più freddi dell'anno. Se sono freddi, la Primavera sarà bella, se sono caldi la Primavera arriverà tardi. Le leggende intorno a questa tradizione sono molte.

— Una volta i merli erano bianchi. Un giorno per il troppo freddo uno entrò in un camino per scaldarsi e ne uscì dopo tre giorni tutto nero per la fuliggine.

— Due merli dalle candide piume, maschio e femmina, si ripararono per il freddo in un camino. Non avendo nulla da mangiare il maschio decise di uscire per cercare qualcosa. Dopo tre giorni tornò e trovando un uccello nero come il carbone, non riconobbe la sua merla e tornò indietro per cercarla. La merla, annerita per la fuliggine, nel frattempo morì di fame.

— Il merlo e la merla si sposano alla fine di gennaio, al paese della sposa, oltre il Po. Dovrebbero riattraversarlo per tornare nella loro casa, ma si è fatto tardi e si fermano per due giorni presso dei parenti. La temperatura si abbassa molto. Merlo è costretto ad attraversare il Po ghiacciato, ma muore. Merla piange ed il suo lamento si sente ancora lungo il Po, nelle notti di fine gennaio.

[URL: <http://www.european-schoolprojects.net/festivals/Italy/Italy1/1%20giorni%20della%20merla.htm>]

* * *

Три дня дрозда считаются у нас самыми холодными днями в году. Если они холодные, весна будет прекрасной, если они теплые, весна придет поздно. Вокруг этой традиции много легенд.

— Когда-то дрозды были белыми. В один прекрасный день было очень холодно, и один (дрозд) забрался в камин, чтобы согреться, и вылез через три дня весь черный от копоти.

— Два дрозда с белыми перьями, самец и самка, укрылись от холода в камине. Поскольку им было нечего есть, самец решил (выбраться), чтобы

что-нибудь найти. Через три дня он вернулся и нашел птицу, черную как уголь, не узнал ее и снова отправился ее искать. Самка дрозда, почерневшая от копоти, тем временем умерла от голода.

— Дрозд и самка дрозда поженились в конце января в стране невесты, по ту сторону реки По. Они должны были вернуться в свой дом, (но) задержались на два дня у родственников. (Тем временем) сильно похолодало. Дрозд был вынужден пересечь замерзшую По и умер. Самка дрозда плачет, и ее крики до сих пор слышны вдоль реки По ночами в конце января.

* * *

Один батрак получил в качестве платы за работу козу с козлом и овцу с бараном, и развел свое стадо. Он всегда был вежлив с братьями-месяцами. Март проходил благополучно, и пастух хвалил его, но в последний день марта началась пурга, и пастух стал ругать март и велел ему убираться. Оскорбленный Март занял три дня у апреля и наслал дождь, град и лихорадку. Стадо пастуха погибло, остались только коза с козлом и овца с бараном.

[Котрелев 1991: 265–266]

1.9. Швейцария

У старухи по имени *Rullion* были коза и козочка. Стоял март. У старухи больше не было сена. Погода была хорошая, трава уже росла. Она сказала Маргу: «Хэй, хэй, Март, мои коза и козочка больше не боятся зимы». Март ответил ей: «Три дня марта и три дня апреля заставят сдохнуть твоих козу и козочку!» Затем пошел снег и началась метель, так что бедной старухе пришлось ходить по лесу за еловыми ветками и плющом, чтобы прокормить своих козу и козочку.

[Šäineanu 1896: 1–45]

1.10. Франция

1.10.1. Верхняя Бретань

Pourquoi Février n'a que 28 jours?

Février le doux

Le plus beau ou

Le pis d'entre nous.

Février était très amoureux. Pendant qu'il faisait l'amour, Janvier et Mars lui ont volé chacun leur jour. Grande fut sa colère.

Janvier lui dit:

— Pendant que tu caressais les belles, j'ai rempli d'eau toutes tes douves.

- Cela n'est rien, reedit Février, d'un pet je te sécherai tout cela.
 — D'un autre pet, dit-il à Mars, je t'inonderai.

[Contes 1998: 180–184]

Почему в феврале только 28 дней?

Мягкий февраль

Лучший или

Худший среди нас

Февраль был очень сильно влюблен. Пока он занимался любовью, Январь и Март украли у него каждый по дню. Велик был его гнев.

Январь сказал ему:

— Пока ты ласкал красавиц, я заполнил водой все твои рвы.

— Это ничего, — ответил Февраль, — одним пукком я высушу все это.

— Другим пукком, — сказал он Марту, — я тебя затоплю.

1.10.2. Нижняя Бретань

Pourquoi Février est court

Février était dans sa jeunesse, un joueur forcené: bien qu'il perdît sans cesse, il remuait constamment les dominos. Dépouillé par le jeu de ses meubles les plus précieux, il engagea un jour une importante partie avec ses camarades Janvier et Mars. Ceux-ci lui gagnèrent chacun une partie. N'ayant plus d'enjeu, il leur céda un jour à chacun.

Et voilà pourquoi Janvier et Mars ont trente-et-un jours et que Février n'en a plus que vingt-huit.

[Contes 1998: 180–184]

Почему Февраль короткий

Февраль в молодости был заядлым игроком: хотя он постоянно проигрывал, он постоянно играл в домино. Проиграв свою самую ценную мебель, он назначил на один из дней важную партию со своими товарищами, Январем и Мартом. Они выиграли у него каждый по партии. Поскольку ему было больше нечего поставить на кон, он уступил каждому из них по одному дню.

Вот почему у Января и Марта по тридцать один день, а у Февраля только двадцать восемь.

1.10.3. Пуату

Le mois de janvier

Janvier n'était pas très froid, et il n'était que de vingt-neuf jours; et puis, le dernier jour, toutes espèces de petits oiseaux se moquaient de lui:

— O Janviou, janviou, m'a pas fait rester le crotte au quiou!

Janvier, bien vite, emprunte deux jours de février, ce qui lui faisait trente-et-un jours; et puis, il faut un froid! des gelées! des verglas! que tous les petits oiseaux *lappaient* (se collaient) tous sur les branches. Ils s'en repen-taient, oui, d'avoir voulu se moquer de lui.

[Contes 1998: 180–184]

Месяц январь

(Когда-то) январь был не слишком холодным, и в нем было только двадцать девять дней; но однажды, в последний его день, мелкие птицы всех видов стали насмехаться над ним:

— О Январек, Январек, ты не заставил меня остаться в грязи!

Январь тут же занял два дня у февраля, так что в нем стало тридцать один день, а затем стало холодно! Заморозки! Лед! Так что все мелкие птицы застряли в ветвях (примерзли к ветвям). Они раскаялись, о да, что пытались посмеяться над ним (январем).

1.10.4. Альбре (Гасконь)

La merlesse et Février

La merlesse dit à Février:

— Février, Février, tu es passé je ne t'ai pas vu; j'ai les petits dans le hallier qui sont gras comme la pâte! Houiste, houaste! Et elle s'envola.

Février ne dit rien, mais il emprunta trois jours à Mars: il plut, il y eut des giboulées, il grésilla; le temps tua tous les petits merles; la merlesse il la laissa déplumée, la tête enfoncée dans une taupinière, le derrière pelé, toute froissée.

Février n'a jamais oublié le compliment. Depuis, tous les ans il emprunte trois jours au mois de Mars qui les lui prête pour faire des misères à la pauvre merlesse. Elle se fait toujours de bonnes idées: «Peut-être que Février n'y pèse plus!» Et la première de toutes elle fait son nid, et toujours Février la trahit.

[Contes 1998: 180–184]

Самка дрозда и Февраль

Самка дрозда сказала Февралю:

— Февраль, Февраль, ты прошел, (а) я тебя не видела; у меня в чаще малыши, толстые, как тесто! Уист, уаст! — И она улетела.

Февраль ничего не сказал, но занял три дня у Марта: шли дожди, ливни, град; эта погода убила всех птенцов дрозда; самка дрозда осталась ошпанной, головой она забилась в кротовую нору, зад ободран, она вся помята.

Февраль никогда не забывал комплимент. С тех пор каждый год он занимает три дня у Марта, которые тот ему одалживает, чтобы причинить страдания бедной самке дрозда. Она всегда надеется: «Может быть, Февраль больше не будет иметь значения!» И она первой вьет гнездо, и всегда Февраль ее подводит.

1.10.5. Лангедок La ruade de la Vieille

Les paysans du Midi ont remarqué que les trois derniers jours de février et les trois premiers jours de mars amènent presque toujours une recrudescence de froid, et voici comment leur imagination poétique explique ça.

Une vieille gardait une fois ses brebis. C'était à la fin du mois de février, qui, cette année-là, n'avait pas été rigoureux. La Vieille, se croyant échappée à l'hiver, se permit de narguer Février de la manière suivante:

— *Adiéu, Febrié ! Mé ta febrerado*

M'as fa ni péu ni pelado! (Adieu, Février! Avec ta gelée tu ne m'as fait ni peau ni pelée!)

La raillerie de la Vieille courrouce Février, qui va trouver Mars:

— Mars, rends-moi un service!

— Deux, s'il le faut ! répond l'obligeant voisin.

— *Presto léu tres jour, e tres que n'ai,*

Peu e pelado ie ferai! (Prête-moi trois jours, et trois que j'en ai, je lui ferai peaux et pelées).

Aussitôt se leva un temps affreux, le verglas tua l'herbe des champs, toutes les brebis de la Vieille moururent et la Vieille, disent les paysans, regimait *reguignavo*. Depuis lors, cette période tempétueuse porte le nom de *Reguignado de la Vièio*, ruade de la Vieille. Les jours néfastes de la Vache, vulgairement *li Vaqueiriéu*, sont les trois derniers jours de mars et les quatre premiers d'avril, période redoutée des paysans.

Quand la Vieille eut perdu son troupeau de brebis, elle acheta des vaches; et, arrivée sans encombre à la fin du mois de mars, elle dit imprudemment:

— *En escapant de Mars e de Marsèu,*

Ai escapa mi vaco e mi vedèu. (En me sauvant de Mars, j'ai sauvé mes vaches et mes veaux).

Mars, blessé du propos, va sur-le-champ trouver Avril:

— *Abrièu, n'ai plus que tres jour: presto-me-n'en quatre,*

Li vaco de la Vièio faren batre! (Avril, il ne me reste que trois jours, prête-moi quatre; nous ferons périr les vaches de la Vieille.)

Avril consentit au prêt; une tardive et terrible gelée brouit toute végétation, et la pauvre Vieille perdit encore son troupeau.

[Contes 1998: 180–184]

Выходка старухи

Крестьяне юга заметили, что три последних дня февраля и три первых дня марта почти всегда приносят возвращение холодов, и вот как их поэтическое воображение объясняет это.

Однажды одна старуха держала овец. Был конец февраля, который в том году не был слишком суровым. Старуха, думая, что спаслась от зимы, позволила себе насмеяться над Февралем следующим образом:

Adiéu, Febrié! me ta febrerado	Прощай, Февраль! Своими холодами
M'as fa ni réu ni pelado!	Ты не повредил мне ни кожу, ни лысину!
	(Ни шкуру, ни кожу?)

Насмешка старухи рассердила Февраль, который отправился искать Март:
 — Март, сослужи мне службу!
 — Даже две, если нужно! — ответил любезный сосед.

— Presto léu tres jour, e tres que n'ai,	Одолжи мне три дня, и с теми тремя, что
Peu e pelado ie ferai!	у меня есть,
	Я ей устрою кожу и лысину!

Вскоре наступила ужасная погода, лед погубил траву на полях, все овцы старухи умерли, и старуха, говорят крестьяне, брыкалась (упиралась)... С тех пор этот непогожий период носит название "*Reguignado de la Vièio*" («Выходка старухи», «Брыкания старухи»). Непогожие дни горов, в просторечии — *li Vaqueiriéu* (Коровницы) — это три последних дня марта и четыре первых дня апреля, период, которого боятся крестьяне. Когда старуха потеряла свое стадо овец, она купила коров и, дожив без потерь до конца марта, опрометчиво сказала:

Eu escapant de Mars e de Marséu	Спасись от Марта и Маленького Марта (?),
Ai escapa mi vaca e mi vedéu!	Я спасла свою корову и своих телят!

Март, уязвленный, сразу же отправился искать Апрель:

— Abrièu, n'ai plus que tres jour:	Апрель, у меня осталось всего три дня;
presto-me-n'en quatre,	одолжи мне еще четыре,
Li vaco de la Vièio faren battre!	чтобы я мог погубить корову старухи!

Апрель согласился дать в долг; поздний и ужасный мороз погубил всю растительность, и бедная старуха снова потеряла свое стадо.

1.10.6. Прованс

Однажды одна старуха пасла овец. Это было в конце февраля, который в том году не был холодным. Старуха, думая, что зима ей уже не страшна, прицепилась к Февралю, говоря:

Adiéu, Febrié! me ta febrerado	Прощай, Февраль! Своими холодами
M'as fait ni péu ni pelado!	Ты не повредил мне ни кожу, ни лысину!
	(Ни шкуру, ни кожу?)

Шутка старухи настолько рассердила Февраль, что он отправился к Марту и сказал: «Одолжи мне три дня, и с теми тремя днями, что у меня еще есть, я ей дам и кожу, и лысину(?)». И вдруг наступила ужасная погода: лед покрыл траву в полях и заморозил ее, и все овцы умерли, и старуха изрядно поволновалась. С тех пор эти выюжные дни носят название “*Reguignado de la Viéio*” [«Волнение старухи»].

Потеряв стадо овец, старуха купила коров и, дожив без потерь до конца марта, снова сказала надменно:

Eu escapant de Mars e de Marséu	Спасшись от Марта и маленького Марта(?),
Ai escapa mi vaca e mi vedéu!	Я спасла свою корову и своих телят!

Март, задетый, немедленно отправился к Апрелью и сказал:

— Abriéu, n'ai plus de trei jour;	Апрель, у меня осталось всего три дня;
presta-me n'en quatre,	одолжи мне еще четыре,
Li vaca de la Viéio fareu batre!	чтобы я мог погубить корову старухи!

Апрель дал ему дни, страшный мороз погубил всю траву на пастбище, и бедная старуха снова потеряла стадо. Последние три дня марта и первые четыре дня апреля именуется из-за этого “*li Vaqueriéu*” («Коровницы?»).

[Sáineanu 1896: 1–45.

См. также: Покровская 1977: 30–48]

1.10.7. Корсика Пастух и месяц Март

Жил-был пастух, у которого было столько баранов и овец, сколько песчинок в море. И все же он боялся, как бы ни пропал кто-то из них, и всю зиму молил месяцы быть благосклонными. Те внимали его молитвам и щадили его баранов и овец. Март не посылал ни дождей, ни града, ни какой-либо болезни, которая могла бы погубить стадо. Когда март заканчивался, пастух, который больше не боялся ничего, принялся смеяться и бранить март: «Март, Март, ты, гроза стад, я больше не боюсь тебя! Счастливо оставаться, болезни! Март, Март, идет весна, ты больше не можешь сделать мне ничего плохого!» Рассерженный подобной неблагодарностью, Март отправился к своему брату Апрелью и сказал:

O Aprilu me fratedu,
 Impresta tre di li to di,
 Par puni lu pastureddu
 Li ni vodu fa pinti.

О Апрель, брат мой,
 Одолжи мне три дня из твоих,
 Чтобы наказать пастушка,
 Потому что я хочу, чтобы он раскаялся.

И Апрель, который любил своего брата, дал ему дни взаймы. И тогда Март, пройдя по земле, вмиг собрал ветра, метели и болезни и обрушил их все на несчастное стадо. В первый день умерли бараны и овцы, на второй день — ягнята, а на третий день все погибло.

[Ortoli 1883: 3–5. Цит. по: Şăineanu 1896: 1–45]

1.11. Испания

1.11.1. Каталония

Пережив зиму, одна старуха начала бранить март, велела ему быстрее уходить, и хвасталась, что сберегла зимой все стадо овец. Оскорбленный Март упросил Апреля одолжить ему три дня. Все овцы погибли от холода, а старуха умерла от горя. С тех пор эти дни называют старухиными или одолженными.

[Кустова 1987: 25–30]

1.11.2. Баскония (Эускади)

Однажды, когда месяц Март был особенно суров к пастухам, один из них сказал в сердцах: «Забодай тебя баран». Оскорбленный Март решил отомстить, но был уже полдень 31-го числа. Тогда он обратился к Апрелью с просьбой одолжить ему два с половиной дня и устроил сильную бурю, которая занесла снегом все вокруг. Реки и ручьи вышли из берегов и унесли стадо неосторожного пастуха, который беспомощно наблюдал за происходящим. Увидев, что один баран зацепился за ветку дерева, он стал тащить его к себе, приговаривая: «Хоть тебя-то я спасу». Однако охваченное ужасом животное яростно отбивалось и вдруг, дернув головой, выбило единственный глаз и без того кривого пастуха. Так отомстил за оскорбление разгневанный месяц Март. Вот почему пастухи боятся первых дней апреля, одолженных когда-то Марту.

[Сатрустеги 1990: 34–35]

1.11.3. Андалусия

Un pastor le dijo á marzo que si se portaba bien, le regalaria un borrego. Marzo le prometió hacerlo, y cumplió portándose grandemente. Cuando ya iba saliendo, le pidió el prometido borrego al pastor; pero las ovejas y borregos estaban tan hermosos, que el pastor, considerando que solo quedaban tres dias de

reinado á marzo, se rechifló y no se lo quiso dar. — ¿No quieres? le dijo marzo, pues no tengas cuidado:

*Con tres dias que me quedan
Y tres que me preste mi compadre Abril,
He de poner tus ovejas al parir.*

E hizo por seis dias tan crudo temporal de agua y frio, que se murieron los borregos y las ovejas todas.

[Caballero 1974: 110–115]

Один пастух сказал Марту, что, если тот будет хорошо себя вести, подарит ему ягненка. Март пообещал ему сделать это и выполнил [свое обещание], ведя себя прекрасно. Когда он (Март) уже собирался уйти, он попросил у пастуха обещанного ягненка, но овцы и ягнята были так хороши, что пастух, сочтя, что Марту осталось править всего три дня, стал издеваться над ним и не хотел давать ему [ничего]. «Не хочешь? — сказал ему март. — Потом не кайся».

*С тремя днями, которые у меня еще остались,
И тремя, которые одолжит мне мой кум Апрель,
Я погублю твоих овец!*

И в течение шести дней была такая метель (дождь?) и такой холод, что все ягнята и все овцы погибли.

1.12. Португалия

Иданья-а-Нова

Пастухи просили Март быть милостивым и обещали подарить ему каждый по ягненку. Март выдался теплым. 29-го числа старики хотели подарить ягнят Марту, но молодые сказали, что Март почти закончился, холода уже не наступят, и ничего дарить не надо. Март занял один день у Апреля, и в течение трех дней (двух оставшихся у Марта и одного, взятого взаймы) холодный ветер и дождь погубили стада и уничтожили посевы.

[Шишлова 1971: 196–199]

1.13. Алжир (Кабилля)

Pourquoi le mois de janvier a 31 jours?

L'emprunt de la chèvre

Cette légende s'est déroulée sur les hautes montagnes de Kabylie au temps où les animaux étaient dotés de la parole. C'est l'histoire d'une chèvre zélée qui se serait moquée du mois de janvier et l'aurait nargué à la fin de sa dernière journée, c'est-à-dire le 30, en lui faisant remarquer qu'il était parti de façon anonyme et banale sans froid ni neige abondante comme il était censé le faire. Elle lui aurait dit ceci: "Tozz deg tit-ik a eemmi yennayer! C'est — à-dire: reçois

un grand pet en plein œil qui crèvera, cousin janvier! Fini le froid, fini la faim, c'est bientôt le printemps!" Touché dans son amour propre et se sentant offensé et sa réputation du mois rigoureux est froid en a pris un sacré coup, le mois de janvier a décidé de punir l'insolent caprin. Avant de laisser place au mois de février, il était allé le voir séance tenante et lui aurait emprunté une journée supplémentaire qu'il programma à dessein pluvieuse et neigeuse à souhait. Cette journée supplémentaire à caractère punitif a eu effectivement raison de la ténacité de la pauvre chèvre. Celle-ci mourut de froid et de faim le lendemain. Depuis, nous appelons cette journée du 31 janvier, le prêt de la chèvre qui se caractérise par la neige, le vent et la pluie!

[Contes 2010]

Почему в январе 31 день?

Заем козы

(Действие) этой легенды разворачивалось в высоких горах Кабилии в те времена, когда животные были наделены даром речи. Это история одной ревнивой (?) козы, которая смеялась и издевалась над январем в конце его последнего, то есть тридцатого, дня, указывая на то, что он прошел банально, без положенных холодов и снегопадов. Она сказала ему следующее: "*Tozz deg tit-ik a eemmi yennayer!*" (*reçois un grand pet en plein œil qui crèvera*). То есть: «Получи большой пук прямо в глаз, который лопнет, братец Январь! Закончился холод, закончился голод, уже почти весна!» Задетый за живое и чувствуя себя оскорбленным, и его репутация сурового месяца — холод... святое дело, месяц Январь решил наказать наглуемую козу. Перед тем как освободить место для февраля, он пошел, чтобы увидеться с ним и позаимствовать лишний день, который он намеренно сделал дождливым и снежным. Этот дополнительный день имеет карательный характер из-за упрямства бедной козы. Последняя погибла от холода и голода на следующий день. С тех пор мы зовем день 31 января, который обычно бывает снежным, ветреным и дождливым, «заем козы» ("le prêt de la chèvre").

* * *

Когда-то растения, камни, земля, вода разговаривали, и люди понимали их речь. Первая мать мира принесла в мир несчастья. У нее была ферма, где были овцы, коровы и козы. Кончался относительно теплый месяц *Inäjer*¹, выпал снежок. Первая мать мира велела ягненку не бояться, так как месяц кончается и ничего плохого ему уже не сделает. *Inäjer* обиделся и попросил день у холодного месяца *Fórar*, тот дал семь дней и обещал дать еще, если

¹ Названия месяцев — января (*Inäjer*) и февраля (*Fórar*) — заимствованы из вульгарной латыни.

будет нужно. На четвертый день мороза и снегопада стада и сама мать мира превратились в камни. Месяц *Inäjer* и сейчас приносит несчастья старухам; во время одолженных дней они болеют и умирают.

[Frobenius 1921: 81–83]

1.14. Армения

Поверье о конце марта и начале апреля как о возвратившейся на несколько дней зиме известно у армян под названием Парви улер — Козлята старухи.

Рассказывают о том, что одна старуха, решив, что наступило, наконец, тепло, и ругая холодный март, вывела козлят из хлева. Март рассердился и попросил у апреля в долг три дня. Поднялась пурга и задушила старуху и козлят.

Считается, что пока в конце марта не поднимется метель, весна не наступит. Март из-за неуравновешенной погоды называют сумасшедшим.

[Петросян 2011: 74]